

ДЖОН
МИЛЬТОН

✧
Рай:
Потерянный рай
Возвращенный рай
✧

✧ ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА ✧

Джон Мильтон
Рай: Потерянный рай.
Возвращенный рай
Серия «Зарубежная классика (АСТ)»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58136133

Рай: Потерянный рай. Возвращенный рай: АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-126998-2

Аннотация

«Потерянный рай» – гениальная поэма Мильтона, благодаря которой он стал одним из известнейших английских поэтов своего времени. Поэма основана на библейском сюжете падения человека и изгнания его из Рая. Как писал Мильтон в Книге Первой, его цель состояла в том, чтобы оправдать путь Бога людям (в оригинале «justify the ways of God to men»). «Возвращенный рай» является продолжением «Потерянного рая». Поэма повествует об искушении Иисуса Христа Сатаной во время пребывания в пустыне. «Потерянный рай» представлен в переводе Николая Холодковского, а «Возвращенный рай» – Ольги Чюминой.

Содержание

Потерянный рай	5
Книга первая	5
Книга вторая	49
Книга третья	105
Книга четвертая	144
Конец ознакомительного фрагмента.	163

Джон Милтон
Рай: Потерянный рай.
Возвращенный рай

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Потерянный рай

Книга первая

Содержание

Эта первая книга излагает вкратце главный предмет – непослушание человека и потерю вследствие этого Рая, в котором он жил; затем она касается первой причины его падения – змеи или, точнее, Сатаны в образе змеи. Сатана, восстав против Бога и привлеки на свою сторону многие легионы Ангелов, был по повелению Божию низвержен, со всею своею ордой, с Небес в глубокую бездну. Не вдаваясь в описание этого события, поэма быстро переходит к главному действию, изображая Сатану и его Ангелов в Аду, который описывается здесь лежащим не в центре Земли (так как предполагается, что небо и Земля еще не созданы и, конечно, еще не прокляты), а в месте величайшей тьмы, которое лучше всего назвать Хаосом. Здесь Сатана с его Ангелами лежат в пылающем озере, пораженные и оглушенные громом. Через некоторое время он оправляется от своего смущения и обращается к лежащему около него Ангелу, который по чи-

ну и достоинству ближе к нему, чем все прочие; они беседуют о своем жалком падении. Сатана пробуждает все свои легионы, которые все еще лежат в беспамятстве. Они встают. Описывается их численность, боевое вооружение; поименовываються их главные вожди, соответствующие идолам, которые впоследствии почитались в Ханаане и соседних странах. Сатана обращается к ним с речью, утешает их надеждой на завладение Небесами снова и в заключение говорит о новом мире и предполагаемом новом роде созданий, согласно древнему пророчеству и рассказам, бытующим на Небесах (дело в том, что, по мнению многих древних Отцов Церкви, Ангелы существовали задолго до появления видимых созданий). Для исследования истинности этого пророчества и для принятия решения, что следует делать ввиду этого, Сатана предлагает собрать великий совет. Его сообщники принимают предложение. Возникает из бездны Пандемониум, дворец Сатаны, внезапно построенный его слугами, и адские вельможи держат в нем свой совет.

О первом непокорстве человека,
О запрещенном древе, о плоде,
Которого смертельное вкушенье
Смерть в мир внесло и с ней все наше горе,
С утратою Эдема, до поры,
Когда он Величайшим Человеком
Нам будет возвращен, когда мы будем
Вновь обладать обителью блаженства, —

Об этом всем поведай песню, Муза
Небесная, которою когда-то
Был вдохновлен с таинственных высот
Хорива иль Синая древний пастырь,
Избраннику-народу рассказавший
О первых днях, как Небо и Земля
Возникли из Хаоса! Иль, быть может,
Живешь ты на Сионской высоте,
Иль обитаешь там, где Силоамский
Ручей течет у Трона Божества;
Где б ни витала ты, я призываю
Тебя помочь моей отважной песне,
Полет которой гордо воспарит
Превыше гор Аонии¹, касаясь
Предметов, не достигнутых поднесь
Ни прозою, ни звучными стихами.

И Ты первой всего, Ты, Вышний Дух,
Который сердце чистое всем храмам
Предпочитаешь, – Ты меня наставь!
Ты знаешь все; в начале всех начал
Ты был; подобно матери-голубке,
Над выводком любовно распростершей
Лелеющие крылья, реял Ты,
Творя миры, над бездной бесконечной!
О, просвети все, что во мне темно;
Что низко, то возвысь, чтоб я, достигнув
Вершины долгой повести моей,

¹ Аония – гористая часть Беотии – страны в Северной Греции.

Мог подтвердить всю Промысла премудрость,
Пути Его раскрыть перед людьми.
Поведай – ибо ни в эфире Неба,
Ни в бесконечной Ада глубине
Ничто от взора Твоего не скрыто, –
Поведай о причине, побудившей
Великих прародителей, блаженством
Столь взысканных, любимых Небесами,
Поставленных владыками в сем мире, –
Внезапно от Создателя отпасть
И преступить запрет – запрет единый!
Кто их вовлек в постыдный тот мятеж?
То Адский Змий был; то его обман
Мать рода человеческого лестью
Пленил, когда за гордость он свою
Со всей толпою Ангелов мятежных
Низвергнут был с Небес. На помощь их
Надеясь твердо, он мечтал, став выше
Князей своих, сравниться со Всевышним,
Противостав Ему; честолюбиво
Поставив целью Трон и Царство Бога,
Повел он нечестивую войну
На Небесах и в бой вступил надменно.
Но тщетно он пытался! Всемогуший
Низверг его во пламени стремглав,
Разбитого, сожженного ужасно,
С высот Небес в бездонную погибель,
Чтоб там лежал в алмазных он цепях,
Терзался бы в огне неугасимом

За то, что вызвал Вышнего на бой.

И девять раз уже сменилось время,
Которым смертный мерит день и ночь,
Как он со всею ратью побежденной
Лежал, вращаясь в пламенной пучине,
Сражен и уничтожен, хоть бессмертен.
Но худший суд еще был впереди:
И мыслью об утраченном блаженстве
Терзался он, и болью страшных мук.
Вокруг себя водил он взор свой мрачный,
В котором отражалось униженье
Глубокое, но вместе с тем и гордость
Упрямая, и ненависть была;
И сколько взор охватывал бессмертный,
Он видел вокруг лишь дикую пустыню,
Со всех сторон лишь страшную тюрьму,
Пылавшую огнем, громадной печи
Подобно; но огонь тот был без света, —
Он порождал лишь видимую тьму,
В которой лишь возможно было видеть
Картины горя, области печали
И скорбной ночи — край, где никогда
Ни мира, ни покоя, ни надежды,
Повсюду проникающей, не будет,
Где лишь царит мученье без конца
И огненный поток, который серой,
Горящей вечно и неистощимой,
Питается. Таков был тот приют,

Который был мятежным уготован
Предвечной справедливостью, — темница
Отведена в удел им в крайнем мраке,
Который от небесного сиянья
И Бога трижды столько удален,
Как полюс отстоит от центра мира!
О, как несходно это место с тем,
Отколь они низвергнуты! И вскоре
В волнах огня крутящихся он видит
Вокруг себя собратий по паденью
И узнаёт, что, корчась, рядом с ним
Лежит один, к нему из всех ближайший
По чину и по преступленью, — тот,
Который был известен в Палестине
Впоследствии и звался Вельзевулом.
К нему-то обратился Архивраг,
(На небе имя Сатаны стяжавший),
Прервав молчанье страшное вокруг,
С такою речью, дерзкой и надменной:

«Ужели это ты? О, как ты пал!
Как страшно изменился ты, который
Сияньем ослепительным своим
Превосходил в блаженном царстве света
Других, сиявших ярко, мириады!
Ты ль это, кто соединен со мной
Союзом, мыслью, планами, надеждой,
Отвагой в нашем славном предприятии,
А ныне — униженьем и бедой!

Теперь ты видишь сам, в какую пропасть
С высот Небес низвергнул нас Сильнейший
Своим ужасным громом; но дотоле
Кто ж знал всю силу этого оружия
Жестокого? Однако ж ни оттого,
Что пали мы, ни оттого, что далее
Еще способен причинить нам в гневе
Могучий победитель наш, нисколько
Я не раскаюсь и не изменяюсь,
Хотя б мой внешний образ изменился.
Я сохраню навек всю твердость мысли
И гордое презренье в оскорбленном
Достоинстве моем; я буду тверд
Во всем, что мне служило побуждением,
Чтоб против Всемогущего восстать,
Что привело бесчисленные рати
Вооруженных Духов к состязанью
Отважному. Дерзнули эти Духи
Власть Вышнего открыто не одобрить
И, предпочтя иметь вождем меня,
Противостав великой силе силой,
В сомнительном бою в равнинах Неба
Поколебали Трон Его. Пускай
Мы потеряли эту битву – что же?
Не все еще потеряно: есть воля
Несокрушимая, есть жажда мести,
И ненависть бессмертная, и храбрость,
Которая вовек не подчинится
И не уступит никому, – и мало ль,

Что есть неодолимого у нас?
И эту нашу славу не исторгнет
Ни ярость, ни могущество Его.
Склонить главу, молить о милосердии,
Став на колена, и боготворить
Владычество Его – Того, Который
Недавно сам в той власти усомнился
Из страха перед нами, – это было б
Действительно позорно; это было б
Бесславлением и стыдом гораздо худшим
Всего паденья нашего. Судьба
Велела, чтоб богов святая сила
И сущность их небесная была
Неистребима; ныне мы имеем
И опыт, нам доставленный событием
Великим тем; оружием не слабее,
Лишь осторожней стали мы теперь;
Тем с большею надеждою мы можем
Отважиться на вечную войну,
Решить ее иль силой, иль коварством,
Не примирясь с врагом великим нашим,
Хотя и торжествует ныне Он
И, предаваясь радости великой,
Царит один над небом, как тиран».

Так говорил отступник-Ангел, громко
Хвалясь средь мук, хотя его внутри
Глубокое отчаянье терзало.
Ему собрат отважный отвечал:

«О Князь, о вождь князей могучих многих,
Которые, ведомые тобой,
Вели на битву войско Серафимов
Вооруженных! Грозными делами,
Бесстрашные, поставили они
В опасность царство Вечного Владыки;
Не побоялись испытать, на чем
Основано его все превосходство –
На силе, или счастье, иль судьбе.
Я слишком вижу, слишком сожалею,
Как горестен исход попытки нашей,
Какое понесли мы поражение,
Какой удар позорный нас лишил
Небес и наши доблестные рати
В ужасном разрушении низложил!
Погибли мы, насколько могут боги
И существа небесные погибнуть;
Останутся, конечно, ум и дух
Непобедимы, сила вновь вернется,
Хотя потухла слава и блаженство
Поглощено безмерною бедой;
Но я боюсь, чтоб Он, наш победитель
(Его готов всесильным я считать
Затем, что лишь всесильный был способен
Такие силы одолеть, как наши), –
Чтоб не оставил Он нам дух и силу
Лишь для того, чтоб мы сильнее страдали
И муки наши тяжкие несли

В угоду гневной мести; чтоб, по праву
Войны, Ему рабами были мы,
Служили б больше прежнего, свершая
Его веленья в самом сердце Ада,
Его желанья – в этой бездне тьмы!
Тогда что пользы, если наша сила
Не меньше стала, наше бытие
Все так же вечно – лишь для вечной муки?»

Ему ответил быстро Архивраг:

«О падший Херувим! Кто слаб, тот жалок,
Страдает он иль действует; но знай –
Теперь для нас одно лишь несомненно:
Добра творить не будем мы вовек;
Творить лишь Зло – все наше утешенье,
Затем что этим мы противостанем
Высокой воле нашего врага.
Как только пожелает Провиденье
Из Зла, от нас идущего, создать
Добро, мы силы все свои приложим,
Чтоб эту цель благую извратить
И в самом благе отыскать возможность
Дурного. Если это будет часто
Нам удаваться, может быть, Его
Мы огорчим; быть может, помешаем
Свершению взлелеянных Им планов.
Но посмотри: наш грозный Победитель
Послушных слуг возмездья и погони

Уж отозвал назад к вратам Небес;
Град серный, вслед нам сыпавшийся бурно,
Уж перестал, и пламенные волны
Пучины, нас приявшей при паденьи
С Небес, уж улеглись, и страшный гром,
Крылами красных молний нас разивший,
Быть может, стрелы все свои истратил
И бушевать уже перестает
Среди громадной бесконечной бездны.
Воспользуемся случаем, который
Дает нам враг – быть может, из презренья.
А может быть, уж свой насытив гнев.
Ты видишь эту страшную равнину,
Пустынную и дикую, жилище
Отчаянья, в которой света нет,
Коль не считать сверканья синеватых
Огней, дающих бледный, грозный отблеск?
Пойдем туда, уйдем от колебанья
Волн пламенных – там отдохнем немного,
Насколько здесь нам отдых и покой
Возможен; там, собрав все наши силы,
Обдумаем, что сделать можем мы,
Чтоб отомстить врагу как можно больше;
Как наши все потери возместить
Иль перенести жестокое несчастье,
В надежде силы новые найти
Иль почерпнуть в отчаяньи решимость».

Так Сатана к ближайшему собрату

Вел речь, главу из пламени подняв;
Глаза его метали искры, тело ж
В волнах огня на много десятин,
Чудовищно громадно, простиралось,
Подобно исполинам древних мифов –
Сынам земли, титанам, воевавшим
С Юпитером, или Бриарею², иль
Тифону³, что в пещере укрывался
В соседстве Тарса⁴ древнего, иль чуду
Морскому, что зовут Левиафаном⁵,
Которое всех прочих Божьих тварей,
Что в океане плавают, громадней.
Когда вблизи норвежских берегов,
Так повествуют моряки, он дремлет,
Порою штурман маленького судна,
Крушение потерпевшего в ту ночь,
Его за остров примет в полумраке,
В чешуйчатую кожу якорь бросит
И к стороне подветренной пристанет,
Чтоб переждать, пока все море мгла
Покрыла, день желанный отдаляя.
Так точно Архивраг лежал, простертый
Во всю свою громадную длину,

² *Бриарей* – в греческой мифологии один из сторуких великанов с пятьюдесятью головами, воевавших с олимпийскими богами.

³ *Тифон* – гигантское чудовище, сын Геи и Тартара, со ста змеиными головами, воевавший с Зевсом; олицетворение жгучего, бурного вихря.

⁴ *Тарс* – город в Киликии (одна из областей Малой Азии).

⁵ *Левиафан* – чудовище, упоминаемое в Книге Иова (40: 20).

К пылающему озеру прикован;
И никогда б не поднял он главу,
Не встал бы, если б не соизволение
Небесной воли, правящей всем миром,
Которое его освободило
Для мрачных, злобных замыслов его,
Чтоб он, возобновив свои злодейства,
Свое лишь осуждение усугубил,
Чтоб он, стараясь Зло принести другим,
Лишь к своему же бешенству узрел бы,
Что все его коварство послужило
Лишь к проявлению благости безмерной,
Любви и милосердия к человеку,
Им соблазненному; а на него
Втрое излился б дождь смущенья, гнева
И мести. Вот во весь он рост встает
Из озера, по сторонам стекает
Спиральными с него струями пламя,
И волны раздвигаются, оставив
В середине яму страшную; а он,
Расправив крылья, свой полет могучий
Ввысь устремляет, в темный воздух, ныне
Впервые эту чувствующий тяжесть,
И наконец становится на сушу,
Насколько можно сушею назвать
То, что всегда сухим огнем пылает,
Как озеро огнем пылало жидким.
А цвет той суши был таков, как будто

Подземным вихрем от Пелора⁶ холм
Оторван был иль от гремящей Этны
Бок откололся и открылась разом
Вся внутренность горячая ее
И вдруг, воспламенясь с ужасным взрывом,
Парами минеральными взвилась
И вихрем обожженную пещеру
Покинула, оставив дым и смрад.
Такую-то нашла себе опору
Проклятая нога. За ним вослед
Вступил сюда его собрат ближайший,
И оба тем гордились они,
Как будто волн Стигийских избежали
Они, как боги, собственной силой,
Не попущеньем Вышней Силы Сил.

«Ужели эта область, эта почва, —
Сказал Архангел падший, — будет нам
Жилищем вместо Неба, мрак плачевный
Заменил нам сияние Небес?
Пусть будет так: кто ныне воцарился,
Тот всем располагает; от Него
Зависит, что считаться будет правом.
Чем дальше от Него, тем лучше; ум
Имеет Он нам равный; только сила
Поставила Его превыше равных.
Простите же, блаженные поля,
Где радость вечно царствует! Привет вам,

⁶ Пелор — мыс на Сицилии, ныне Capo di Faro.

О ужасы, привет, о Адский мир!
Прими, бездонный Ад, прими отныне
Ты нового Владыку своего!
В себе он носит дух, не изменимый
Ни временем, ни местом; этот дух –
Себе сам место: Небо может Адом
Соделать он, Ад – в Небо превратить.
Не все ль равно, где быть, когда все тот же
Я сам – таков, каким я должен быть,
Слабее лишь Того, Кто стал сильнее
Благодаря лишь грому своему?
Что ж, здесь, по крайней мере, мы свободны;
Не столь прекрасным сделал это место
Всесильный, чтоб завидовал Он нам,
И, верно, нас отсюда не прогонит;
Здесь царствовать спокойно будем мы,
А царствовать, по мне, для честолюбья
Достойная есть цель, хотя б в Аду:
Царем в Аду быть лучше, чем слугою
На Небесах. Но что же медлим мы?
Зачем друзьям нелицемерным нашим,
Союзникам, делящим наш урон,
Даем лежать мы в озере забвенья
В оцепененьи, не зовем их встать,
Чтоб разделить в печальном сем жилище
Удел наш, иль еще раз испытать,
Собрав все силы, что вернуть могли бы
Мы в Небе или потерять в Аду?»

Так Сатана промолвил; Вельзевул же
Сказал ему: «О Вождь блестящих войск,
Которых мог осилить лишь Всесильный!
Едва они услышат голос твой,
Любимейший для них залог надежды
В опасности и страхе, столько раз
Им в крайности звучавший, в буре битвы
И на краю гибели вернейший
Сигнал во всех атаках, — вмиг они
Все оживут, к ним мужество вернется,
Хотя теперь лежат они все ниц,
В том озере горящем пресмыкаясь,
Как мы с тобой лежали, смущены,
Оглушены; и странного нет в этом:
С такой они упали высоты!»

Едва окончил он, как Враг верховный
Уж к берегу пошел; тяжелый щит
Эфирной ткани, круглый и массивный,
Висел за ним; широкая окружность
Была подобна месяцу, когда
Мы смотрим на него в трубу, подобно
Тосканскому искуснику⁷, который
Рассматривал луну по вечерам
С высот Фьезолы или из Вальдарно⁸,
Надеясь на ее пятнистом шаре
Увидеть страны новые, иль реки,

⁷ ...подобно тосканскому искуснику... — имеется в виду Галилей.

⁸ ...С высот Фьезолы или из Вальдарно... — местности поблизости Флоренции.

Иль горы. Сатана держал в руках
Копье свое, в сравнении с которым
И самая высокая сосна
Из тех, что рубят на горах норвежских
Для адмиральских кораблей, могла б
Тростинкой показаться. Опираясь
На то копье, неверными шагами
Он по горячей почве шел – не так,
Как по небесной он шагал лазури!
Горячий воздух, вокруг огнистым сводом
Нависший, жег болезненно его,
Но он, терпя ту боль, дошел до края
Пучины пламенеющей и, став,
Воззвал к своим сраженным легионам,
К тем ангельским телам, что там лежали
Слоями, листьям осени подобно,
Которые на речках Валамбросы⁹
Ложатся, опадая с темных сводов
Дерев этрусских, или как тростник,
Раскиданный и плавающий в море,
Когда могучим ветром Орион¹⁰
Прибрежье моря Красного взволнует,
Чьи воды потопили в оны дни
Бузи́риса¹¹ и всадников Мемфисских,

⁹ *Валамброса* – тенистая долина в Тоскане, недалеко от Флоренции.

¹⁰ *Орион* – название одного из созвездий, заимствованное из греческой мифологии. Орион был гигантом-охотником, убитым богиней Артемидой (Дианой).

¹¹ *Бузи́рис* – египетский фараон, при котором произошел Исход евреев из

Что в вероломной злобе понеслись
Вслед жителям Гесема¹², безопасно
Смотревшим с высоты береговой
На всплывшие их трупы и колеса
Разломанных волнами колесниц.
Так рать его, раскидана, покрыла
Все озеро; лежат они, дивясь
Постигшей их постыдной перемене.
И к ним воскликнул громко Сатана,
Так громко, что откликнулись на возглас
Все стены мрачной Адской глубины:

«Воители, Князя, Державы, Власти¹³,
Цвет Неба, прежде нашего, а ныне
Утраченного нами! Неужель
Так может поразить оцепененье
Бессмертных Духов? Или вы избрали
Здесь это место, чтобы отдохнуть
От трудной битвы, тем восстанавливая
Измученную доблесть? Потому ль
Вы здесь заснули, как в долинах Неба?
Иль, может быть, простершись ниц так грустно,
Вы поклялись боготворить Того,
Кто победил нас, Кто теперь взирает,

Египта.

¹² Гесем – область в Египте, где жили израильтяне во время своего первого пребывания в этой стране (Книга Бытия, 46: 28).

¹³ *Воители, Князя, Державы, Власти* – чины ангельской иерархии, подробное изложение которой имеется в сочинениях Дионисия Ареопагита.

Как Херувим и Серафим в пучине,
Оружье и знамена бросив, ждут,
Чтоб разглядела быстрая погоня
От врат Небесных выгоду свою
И растоптала б вас, изнеможенных,
Иль копьями грохочущего грома
Вас пригвоздила б в озере ко дну?
Проснитесь же, иль вы навек погибли!»
Услышали они и, устыдясь,
Воспрянули и крыльями взмахнули;
Так часовой, уснувший на посту,
Разбужен тем, к кому он страх питает,
Невольно отряхнется, вскочив.
Они, конечно, видели несчастье,
В котором находились они,
И боль мучений чувствовали ясно;
Но глас вождя бесчисленную рать
В единый миг призвал к повиновенью.
Как в дни великих казней для Египта
Амрамов сын¹⁴, поколебав над Нилом
Могучий жезл свой, тучи саранчи
Призвал, несомой ветром от востока,
И черною она повисла ночью
Над нечестивым царством фараона
И мраком весь покрыла нильский дол,
Так Ангелы бесчисленные злые
Под сводом Ада реют и витают;
Под ними же, над ними и вокруг

¹⁴ ...Амрамов сын... – Моисей – сын Амрама из колена Левиина.

Огонь пылает. Наконец по знаку
Великого монарха своего,
Поднявшего копье, чтоб указать им,
Куда направить путь, спускаясь плавно
Со всех сторон, становятся они
На твердый серный камень, наполняя
Равнину всю, — несметная толпа,
Какую даже север многолюдный
Не изливал от мерзлых чресл своих
На Рейн иль на Дунай, когда стремились
Их варварские рати, как потоп,
На знойный юг и разливались быстро
Через Гибралтар до Ливии песков.
Затем от всех полков, от каждой рати
Начальники к их общему вождю
Спешат скорей, — божественные лики,
Красы сверхчеловеческой, осанки
Великолепной, царственной: они
Когда-то в небе занимали троны,
Хотя навеки в летописях Неба
Изглажены с тех пор их имена,
Исключены они из книги жизни;
И, верно, даже меж сынами Евы
Они бы не нашли себе имен,
Когда б во время долгих, долгих странствий
По всей Земле, долготерпеньем Бога
К великим искушеньям человека,
Подпав обману гнусному и лжи
С их стороны, племен людского рода

Большая часть не впала бы в разврат
Такой, что даже Бога позабыла,
Создателя, и превратила славу
Незримую, святую Божества
Во образы животные, украсив
Распутные религии свои
И роскошью, и златом; вместо Бога
Тут стали люди бесов почитать
И разные названья им давали
Язычники, чтя идолов своих.
По именам тем назови их, Муза,
Кто первый, кто из них последний встал
От сна на ложе пламенном по зову
Великого владыки; как они
По чину, по порядку подходили
Вдоль берега бесплодного, меж тем
Как прочая толпа вдали стояла.
Главнейшие меж ними были те,
Которые, уйдя из адской бездны,
Бродили по земле, ища добычи,
И ставили свои жилища дерзко
В соседстве близком Божеских жилищ,
Близ алтарей Его воздвигнув смело
Свои: они, как боги, были чтимы
Окрестными народами; не страшен
Им был и гром Егovy от Сиона,
Царящего меж Херувимов! Даже
Внутри Его святилищ воздвигали
Они порой свой жертвенник, — о мерзость!

Проклятыми делами оскверняли
Они Его святые торжества
И чистые обряды; свет небесный
Своим дерзали мраком унижать.
Из них Молох¹⁵ был первый – царь ужасный,
Который был пролитьем гнусным крови
Жертв страшных человеческих запятнан
И горькими родителей слезами,
Которые не слышали, увы,
Сквозь грохот барабанов и кимвалов
Стенаний их младенцев, в честь кумира
Свирепого сжигаемых. Он был
У Аммонитян чтим в равнине Раввы,
В Аргобе и Басане, до истоков
Арнона. Не довольствуясь, однако,
Таким соседством дерзким, соблазнил
Премудрое он сердце Соломона,
Который пышный храм ему воздвиг
Напротив храма Господа и этим
Навек соседний опозорил холм.
Ему и рощу посвятил он также
В долине восхитительной Еннома,
И рощу эту, образ Ада, звали
Тофетом или черною Геенной.
Вслед за Молохом шел бесстыдный Хамос¹⁶,
Страшилище сынов Моава, чтимый
От Ароера вплоть до Нево, также

¹⁵ *Молох* – бог аммонитян.

¹⁶ *Хамос* – бог моавитян, соответствующий Приапу римлян.

В пустыне Аворима, дальше к югу,
И в Езевоне, и в Оронаиме,
И в области Сиона, где лежит
Богатая вином долина Сивмы;
На озере асфальтовом он также
Был в Елеале почитаем. Он
Был тот, кого под именем Фегора
В Ситтима чтил Израиль соблазненный
В пути от Нила, на беду свою
Приняв его веселые обряды.
Распространились оргии его
Вплоть до холма позорного, до рощи
Молоха кровожадного; разврат
С убийством рядом поселился. Долго
Царил он там, пока благочестивый
Иосия его не выгнал в Ад.
За ним шли духи, что от пограничной
Реки Евфрата древней до реки,
От Сирии Египет отделявшей,
Ваала или Астарета имя
Носили¹⁷: если мужеского рода
Они считались – им Ваала имя
Давалось, если женского – тогда
Тем духам имя Астарет давали.
Ведь духи могут, если захотят,
Пол принимать любой иль оба вместе:
Субстанция их так нежна, эфирна,
Что членами не связана она;

¹⁷ ...Ваала или Астарета имя носили... – Ваал и Астарет – боги финикийян.

Не бременит их тягостное мясо
На хрупком и тяжелом костяке;
По произволу принимая формы,
То расширяясь, то сжимаясь, светом
Окружены иль тьмой покрыты, могут
Эфирные намеренья свои
Они свершать — дела любви иль злобы.
По их вине израильский народ
Так часто забывал Живую Силу
Свою, ее святыя алтари
Не посещал и низко поклонялся
Пред божествами скотскими, за что
И должен был склоняться столь же низко
В бою перед копьём врагов презренных.
И вот в союзе с этими врагами
Был Аштарет, которого Астартой¹⁸
У финикийцев звали и царицей
Небес считали, наделив ее
Рогами полумесяца; девицы
Сидонские, собираясь по ночам
Перед ее блистательным кумиром
При лунном свете, пели песни ей
И приносили ей свои молитвы;
Ее в Сионе также воспевали:
Ей дерзко храм поставил на горе
Женолюбивый царь¹⁹, чье сердце — правда,
Великое — в угоду сладким чарам

¹⁸ *Астарт* — богиня луны, соответствовавшая отчасти Афродите греков.

¹⁹ *Женолюбивый царь* — Соломон.

Прекрасных идолопоклонниц, впало
В служенье гнусным идолам. Затем
Таммуз²⁰ явился, божество Ливана,
Прельщенные которым каждый год
В дни летние сирийские девицы
О тяжелой ране плакали его,
Любовно пели жалобные гимны,
И, так как от родной горы стремится
Река Адонис к морю, в красный цвет
Окрашена, сложилось поверье,
Что каждый год Таммуза кровь течет.
Сиона дочери также заразились
Любовным пылом сказки древней той;
В своем виденьи в портике священном
Иезекииль безумства эти зрел,
Когда ему явились картины
Служенья мрачным идолам Иуды
Отступника. Затем явился тот,
Который счел себе обидой тяжелой,
Когда однажды в капище его
Кивотом, взятым в плен, звероподобный
Кумир его обезображен был:
Лишенный рук и головы, валялся
Он на пороге храма, посрамляя
Жрецов и восхвалителей своих.
То был Дагон²¹, чудовище морское;
Имел он сверху человека вид,

²⁰ Таммуз – сирийский бог, соответствовавший Адонису греков.

²¹ Дагон – бог филистимлян.

А снизу – рыбы; он высоким храмом
В Азоте был почтен и чтим был всюду
По палестинским берегам – и в Гафе,
И в Аскалоне, также в Аккароне,
Равно и в Газе, до ее границ.
Затем пришел Риммон²², чей трон веселый
В Дамаске живописном находился,
На плодоносных, славных берегах
Аваны и Фарфары, рек прозрачных.
Он также дерзко Божий Дом унизил:
Утратив прокаженного раба,
Царя своим поклонникам он сделал;
Ахаз его безумный был сподвижник:
Им соблазнен, низверг он Божий Храм
И капище сирийское на месте
Его воздвиг, чтоб жертвы нечестиво
Там сожигать и чествовать богов,
Которых сам он побеждал. За этим
Вослед явилась демонов толпа,
Чьи имена от древности глубокой
Известны: Гор, Изида, Озирис²³
Со свитой их, чье волшебство и образ
Чудовищный в несчастье погрузили
Египет суеверный и жрецов,
Которые считали, что их боги

²² *Риммон* – сирийский бог (Четвертая книга Царств, глава 5, где рассказывается история Неемана, передавшего свою проказу Гиезию, слуге пророка Елисея).

²³ *Гор, Изида, Озирис* – египетские божества.

Скорей вселиться могут в вид животный,
Чем в образ человеческий. И даже
Израиль той заразы не избег,
Когда тельца воздвиг он близ Хорива
Из золота заемного. Тот грех
Еще удвоен был царем мятежным²⁴,
Который в Дане и Вифиле вздумал
Дать образ травоядного быка
Создателю предвечному, Иегове,
Который в ночь, когда он посетил
Египет, поразил одним ударом
Всех первенцев и всех богов блеющих.
И наконец, явился Велиал²⁵,
Который был всех хуже, всех распутней
Из Ангелов, отпавших от небес,
И не стыдился только для порока
Любить порок. Он храмов не имел,
И алтари ему не воскурjali;
Но кто вредил у алтарей и храмов
Ужаснее, чем он, когда жрецы
Безбожниками сами становились,
Как Илия сыны? Кто наполнял
Развратом и насилием Храм Божий?
Царит он также во дворцах, в палатах

²⁴ *Царь мятежный* – Иероваам – вождь десяти колен Израилевых, возмущившийся против иудейского царя Ровоама, сына царя Соломона. Первый израильский царь.

²⁵ *Велиал* – языческий еврейский бог, имя которого означает «погибель» или «негодность».

И в пышных городах, где шум распутства
И всякое нечестье и порок
Восходят выше величайших башен;
Когда ж вдоль улиц ляжет мрак ночной,
Сыны и слуги Велиала бродят
По ним, полны нахальства и вина.
Пример тому – Содом²⁶ и ночь разврата
В Гибее²⁷, где гостеприимный дом
Сам выставлял на жертву мать семейства,
Чтоб худшего насилия избежать.

Все эти были первые по силе
И по значенью; прочих было б долго
Перечислять, хоть слава их была
Обширна. Были между ними боги
Ионии, которым поклонялось
Иаваново потомство²⁸ (хоть моложе
Они считались, чем Земля и Небо,
Их славные родители), – Титан,
Первороденный Неба, с необъятным
Своим потомством, первенства лишенный

²⁶ *Содом* – в Библии город, уничтоженный за грехи (Книга Бытия, глава 19).

²⁷ *Гибей*, или Гива – город в Палестине, где родился Саул (Книга Судей, глава 19), жители которого предавались такому разврату и содомии, подобных которым «не бывало и не видано было».

²⁸ ...*боги Ионии, которым поклонялось Иаваново потомство...* – Боги Ионии – греческие боги. Согласно древнееврейской традиции, родоначальником ионийцев, населявших Аттику и побережье Малой Азии, был Иаван, внук Ноя, четвертый сын Иафета.

Сатурном, младшим братом; а Сатурна
Лишил престола сын его и Реи,
Юпитер, как сильнейший; захватив
Престол, один стал царствовать Юпитер.
Сперва на Крите только и на Иде
Их знали; после выбрали они
Себе вершину снежную Олимпа
И правили в середине атмосферы,
Не поднимаясь выше в небесах.
Они царили и в ущелье Дельфов,
В Додоне и во всей земле дорийской;
Другие же с Сатурном-стариком
Оттоль за Адриатику бежали,
Чтоб в Гесперийских жить полях иль дальше —
У кельтов, вплоть до крайних островов.

Пришли они и многие другие,
Потупив грустно взоры; но в глазах
У них все ж искра радости мелькала:
В Вожде своем не видели они
Отчаянья, — потерю сознавая,
Не потеряли все ж самих себя.
Он это видел, и хоть тень сомненья
Слегка скользила на его лице,
Но, гордости привычной вновь набравшись,
Цветистой речью, более достойной
По внешности, чем сущностью своей,
Он постарался их испуг рассеять

И мужество искусно возбудить.
Затем поднять немедленно велел он
При звуках труб военных и рожков
Могучий стяг свой боевой; гордился
Высокой честью быть знаменосцем
Азазиил, высокий Херувим.
И вот с древка блистательного знамя
Он развернул; взвилось оно, сверкая,
Как метеор, по ветру развеваясь,
Богатое каменье драгоценных
Обилием и золотым шитьем,
Изображавшим славу и трофеи
Бессмертных Серафимов; в это время
Металла звуки трубные гремели.
Все войско испустило громкий крик,
Торжественно потрясший своды Ада
И вне его заставивший дрожать
Все царство древней Ночи и Хаоса.
И в этот же момент сквозь адский мрак
Взвилось знамен блестящих десять тысяч,
Переливавших яркими цветами,
И вслед за ними вырос копий лес,
И шлемов тьмы несметные явились,
И стройно щит теснился ко щиту
В неизмеримом множестве. Фалангой
Сомкнувшись, идут они при звуках
Дорийского мотива флейт и нежных
Гобоев – дивной музыки, какая
Героев древних в битве вдохновляла,

Внушая им не бешеную ярость,
А доблесть лишь сознательную: смерть
Тогда была им не страшна, и бегства
Иль отступленья не было для них;
Была в ней сила также и к смягчению
Торжественной мелодией своей
Мятежных дум, тревог, печали, скорби
У смертных и бессмертных. Так, дыша
Единой силой, думою единой
Объяты, молча двигались они
При звуках флейт, смягчавших сладким пеньем
Им боль шагов по раскаленной почве.
И вот они все стали перед ним
Щетинистым и грозно длинным фронтом,
Как старые бойцы, блестя оружием,
В порядке строгом копий и щитов,
И ждут вождя могучего команды.
Испытанным он оком их обвел,
И рассмотрел всю массу мощной рати
И всех ее частей расположение,
Божественный их облик и осанку,
И наконец число их сосчитал,
И гордостью его взыграло сердце
И подкрепилось видом этих сил.
С тех пор как люди созданы, не видел
Никто еще таких огромных полчищ,
Которые, в сравненьи с этой ратью,
Не походили б на полки пигмеев,
Когда-то воевавших с журавлями,

Хотя бы вся гигантская толпа
Из Флегры²⁹, и герои Илиона
И Фив, и все союзные их боги
Соединились, и примкнули б к ним
Все те, которых сказки и романы
Об Утеровом сыне³⁰ воспевают,
И с ними храбрых рыцарей Британских
И Арморийских славный круг³¹, и все –
Неверные иль христиане, – в битвах
Турнирных знаменитые в Дамаске,
Иль в Аспрамонте, или в Монтальбане,
В Марокко, в Трапезунде, или те,
Которых войско выслала Бизерта
От африканских берегов, когда
Великий Карл и все его вельможи
При Фонтарабии разбиты были.
Вся эта рать, столь славная, сильнее
И доблестней всех смертных без сравненья,
Смотрела все ж на грозного Вождя
Со страхом и почтеньем; он, всех выше
По облику и по осанке гордой,
Стоял подобно башне. Лик его
Еще не вовсе потерял сиянье
Природное свое; в нем виден был

²⁹ *Флегры* – город в Македонии, место, где, по преданию, гиганты воевали с богами, поставив гору Оссу на Пелион.

³⁰ *Утеров сын* – Артур, мифический британский король, сын Утера.

³¹ *...рыцарей Британских и Арморийских славный круг...* – рыцари Круглого стола.

Еще Архангел прежний, хоть отчасти
Его уж слава потемнела. Солнце
Так при восходе смотрит сквозь туман
На горизонте или при затмении,
Покрыто лунным диском, тускло светит
На половину лишь земного шара
И призраком зловещих перемен
Царей пугает. Так, хоть помраченный,
Архангел все же ярче всех сиял;
Лицо его, однако, сохраняло
Глубокие рубцы от страшных молний,
А щеки побледнели от забот;
Но под бровями с гордостью упорной,
С неукротимым мужеством и жадой
Отмщения суровые глаза
Смотрели, хоть сквозили в них невольно
И угрызенья совести, и жалость
К собратьям — иль к спутникам, вернее,
По преступленью, — к тем, кого он видел
Иными в дни блаженства, осужденным
Теперь навек за это соучастье.
Миллионы духов по его вине
Отныне милость Неба потеряли,
Извергнуты за дерзостный мятеж
От вечного сиянья; хоть и твердо
Они держались верности ему,
Но слава их небесная померкла.
Так смотрят дубы гордые в лесах
Иль горные, в могучей силе сосны,

Когда огонь небес их опалит:
Хоть все еще высокие, с сожженной
Вершиною стоят стволы нагие
На почве обгорелой. Он дал знак,
Что будет речь держать; они же, сдвоив
Ряды свои, крыло к крылу, стеснились
И обступили близко полукругом
Его и всех вельмож его в безмолвном
Вниманьи. Трижды речь он начинал,
И трижды, несмотря на гнев надменный
Вдруг вырывались слезы у него,
Какими могут Ангелы лишь плакать.
Но наконец, хоть вздохи прерывали
Слова его, они нашли свой путь.

«О вы, бессмертных Духов мириады!
Вы, Силы необорные, кого
Мог побороть один лишь Всемогущий!
Наш бой был не бесславен, хоть исход
Ужасен был, чему свидетель грустный
И место, где находимся мы ныне,
И страшная в самих вас перемена,
Которую мне больно и назвать!
Какая сила мысли предсказала б,
Предвидела б, могла бы опасаться,
Хотя б была углублена всем знаньем
В былом и настоящем, чтобы сила,
Увы, такого множества богов,
Стоявшая так крепко, как стояли

Вы все, могла бы быть побеждена?
Кто и теперь, и после поражения,
Не верил бы, что эти легионы
Могучие, несметные, которых
Изгнание опустошило Небо,
Вновь не могли б восстать, подняться снова
И родиной своею овладеть?
Что до меня, то жители все Неба
Свидетели – обманывал ли я
Надежды их советом неудачным
Иль бегством пред опасностью? Но Тот,
Кто царствует один теперь на Небе,
На Троне безопасно восседал,
Поддержанный своею древней славой,
Согласием всеобщим иль привычкой;
Свое величье Он являл пред всеми,
Но силу всю Свою от нас скрывал;
И мы ее изведать попытались,
И это нам паденье принесло.
Теперь Его могущество мы знаем
И также знаем силу всю свою;
Теперь Его нам вызывать не нужно,
А если нас на новую войну
Он вызовет, не нужно нам бояться.
Итак, отныне лучшее для нас –
Намеренья свои хранить безмолвно
И достигать обманом иль коварством
Того, чего дать сила не могла.
Тогда в конце концов Он убедится,

Что тот, кто силой победил врага,
Лишь победил его наполовину.
Возможность есть, что новые миры
Пространство породит; об этом слухи
Не раз уже носились в небесах:
Молва гласила, что давно намерен
Он их создать и новый род созданий
Там поселить, которых будет Он
С особенным вниманием лелеять
И охранять их, как сынов Небес.
Туда, быть может, хоть из любопытства,
Придется сделать первый наш набег,
Иль, может быть, еще в иное место.
Ведь эта бездна адская не может
Небесных Духов вечно заключать
В плену, и эта тьма не может вечно
Висеть над нами здесь. Но эти мысли
Должны мы зрело обсудить. Исчез
Навеки мир; кто может о смиреньи
Здесь говорить? Итак война, война,
Открытая иль тайная, навеки!»

Так он сказал; и чтобы подтвердить
Слова его, сверкнули миллионы
Мечей огнистых, быстро извлеченных
От бедр могучих Херувимов. Блеск
Внезапно Ад весь озарил. Свирепо
Всевышнему они грозили; гордо
Мечами, крепко сжатыми в руке,

О звонкие щиты они стучали
И раздавался грозный шум войны,
Бросая вызов ввысь, до сводов Неба.
Неподалёку там была гора;
Ее вершина грозно изрыгала
Огонь и клубы дыма, а все скаты
Покрыты были коркою блестящей –
Знак верный, что скрывалась в той горе
Руда металлов, порождение серы.
Туда спешит, от прочих отделясь,
Крылатая толпа, уподобляясь
Саперам, что с лопатой и киркой
Пред королевским войском поспешают
Прорыть траншеи в поле или валом
Весь лагерь обнести. Их вел Маммон³²,
Всех менее возвышенный из духов,
Которые отпали от Небес;
Еще когда он в небе жил, все долу
Склонял свои он взоры, восхищаясь
Богатствами небесной почвы, златом,
Ногами попираемым, охотней,
Чем радостью Божественных видений
И чем-либо высоким и святым.
Он был виной, что по его внушенью
Впервые люди стали раздирать
Земную грудь рукою нечестивой
И матери-земли святые недра

³² *Маммон* (Маммона) – арамейское слово, обозначающее «богатство», в таком смысле употребляется в Новом Завете; персонифицировался до Мильтона.

Преступно осквернили грабежом,
Ища сокровищ, коим лучше было б
Остаться там сокрытыми от нас.
Так и теперь ведомая им банда
Широкую раскрыла вскоре рану
В горе и жилы злата обнажила.
Пушай не удивляется никто,
Что Ад хранит богатства: эта почва
Всего благоприятней для того,
Чтоб в ней тот яд родился драгоценный.
Здесь видеть бы могли все те, кто гордо
Готовы смертных подвиги хвалить
И с восхищеньем говорить охотно
О Вавилоне и царях Мемфисских,
Как величайших памятников слава,
Вся сила, все искусство их творцов
Превзойдены легко и быстро были
Отверженными Ангелами: в час,
В единый час создать они успели,
Что люди бы едва ли в целый век
Работы неустанной сотворили
Трудами рук бесчисленных. Одни
Построили ряд келий по равнине,
Под каждую был проведен канал
Из озера, и в нем огонь тек жидкий;
Другие с удивительным искусством
Формировали грубую руду
По всем сортам, снимая пену шлаков;
А третьи быстро вырыли в земле

Различнейшие формы и сумели
Все полости и все их уголки
Наполнить разом пламенной массой,
Из келий проведенной. Так в органе
Единым дуновением мехов
Все трубы, наполняясь, звучно дышат.

И вот восстало быстро из земли,
Как испаренья ввысь восходят, зданье
Громадное при гармоничных звуках
Симфоний сладких и при пеньи нежном;
То был высокий храм, вокруг него
Пилястры и дорийские колонны
С прекрасным архитравом золотым,
Карнизами и фризами резными.
Он пышно разукрашен был, а крыша
Из золота чеканного была.
Ни Вавилон, ни сам Каир великий
В дни славы и величья своего
Такого зданья не имели, чтобы
Там поселить Сераписа³³ иль Бела³⁴,
Богов своих, иль трон царей поставить,
Как ни старались роскошью своей
Египет и Ассирия друг друга
Затмить. Стоял величественный храм
В своей могучей высоте, а двери
Вдруг распахнули бронзовые крылья,

³³ *Серапис* – египетский бог, почитавшийся в виде быка Аписа.

³⁴ *Бел* – ассирийский царь, сын Немврода, впоследствии обожествленный.

Чтоб показать внутри его обширность
И совершенно гладкий ровный пол.
С высоких сводов, магией искусной
Подвешены, сияли сотни ламп,
Как звезды, и светильники сверкали,
Питаемые нефтой и асфальтом,
И разливали свет, как бы с Небес.
Туда поспешно вся толпа стремится,
Изумлена; одни дивятся храму,
Другие громко воздают хвалу
Строителю. Он был давно известен
На Небесах – художник дивный, много
Воздвигнувший роскошных, пышных храмов,
Где Ангелы-властители царили,
На тронах восседая, как князья:
Сам Царь Царей их одарил той властью,
Чтоб каждый в иерархии своей
Блистательными воинствами правил.
По имени известен он был также
В Элладе древней; имя Мульцибера³⁵
В Авзонии³⁶ присвоили ему,
Где миф сложился о его паденьи
С Небес: повествовали, что Зевес,

³⁵ *Мульцибер* – то же, что римский Вулкан или греческий Гефест, – бог огня и обработки металлов; Зевс сбросил его с неба за то, что он вступился за свою мать Геру в споре с царем богов; он упал на остров Лемнос и ушибся при этом так, что остался хромым.

³⁶ *Авзония* – поэтическое название Италии по имени древнего народа авзонов, жившего на юго-западе Апеннинского полуострова.

Разгневанный, столкнул его с хрустальных
Зубцов небесной крепости, – и вот
С утра и до полудня, от полудня
До вечера росистого летел он
Весь долгий летний день, к закату ж солнца
Скатился, как падучая звезда,
На Лемнос, остров на Эгейском море.
Так говорит тот миф, но это ложь:
Он пал гораздо раньше, вместе с войском
Мятежников; ему не помогло
Его искусство строить башни в Небе,
Не помогли машины все его:
Он сброшен был стремглав со всей толпою
Искусников своих с высот небесных,
Чтоб продолжать строительство – в Аду.

Меж тем вокруг крылатые герольды
По повеленью высшего владыки
Торжественно гласят при звуках труб
Призыв по войску на совет великий,
Который должен вскоре состояться
В роскошном Пандемонии³⁷, отныне
Возвышенной столице Сатаны
И всех его князей. От всех отрядов,
От каждой части войска в тот совет
Достойнейших по выбору иль чину
Зовут они; и вот явились сотни

³⁷ *Пандемоний* – собрание демонов, подобно Пантеону (Pantheon) – собранию богов.

И тысячи; несметная толпа
Кишит вокруг; набиты ею входы
И портики широкие и все
Обширное пространство в самом храме,
Подобное арене состязаний,
Когда на ней цвет конницы неверных,
Вооружась, пред ложею султана
Друг другу вызов шлет на смертный бой
Иль ловкостью в метаньи копий спорить.
И в воздухе кишит толпа густая
И раздается свист и шелест крыл.
Так пчелы в дни весны, когда восходит
Превыше Тавра³⁸ солнце, высылают
Бесчисленный народ свой молодой,
Который собирается над ульем
Кистями, иль меж цветов росистых
Снует, иль на доске толпится гладкой, –
И та доска является предместьем
Соломенной их крепости; покрыты
Цветочной пылью новой, обсуждают
Они дела здесь общины пчелиной.
Так Духи, рея, в воздухе толпились;
Но прозвучал сигнал – и вдруг – о чудо!
Те, кто еще сейчас казались ростом
Громаднее гигантов всех земных,
Вмиг съежились и карликами стали
И без числа столпились в тесном месте,

³⁸ *Тавр* – горный хребет в Малой Азии.

Подобно тем пигмеям³⁹, что живут
У гор Индийских, иль прекрасным эльфам,
Которые в полночный час свершают
Пирь свои иль праздники, толпясь
Вблизи ручья иль на лесной опушке;
Порой их видит – наяву иль в грезах –
Крестьянин запоздалый в час ночной,
Когда над нами, как судья безмолвный,
Сияет месяц, бег свой приближая
К Земле; весельем радостным и пляской
Прелестною они его пленяют
И музыкой его чаруют слух,
И сердце бьется у него невольно
И радостью, и страхом вместе с тем.
Так Духи бестелесные сумели
Свой колоссальный образ сократить
И через это все вместились в зале
Подземного дворца. Вдали от прочих,
Свой прежний рост и образ сохранив,
Главнейшие вожди из Серафимов
И Херувимов пышно восседали,
Образовав особый тесный круг,
На тронах золотых, как полубоги,
До тысячи числом. На миг настало
Молчанье, был прочтен привет всеобщий
И начался великий их совет.

³⁹ ...Подобно тем пигмеям... – древние верили в существование особой человекоподобной расы карликов – пигмеев, которые, по представлению одних, жили в Индии, по других – в Эфиопии.

Книга вторая

Содержание

В начале совещания Сатана ставит вопрос, следует ли решиться на новую битву для обратного завоевания Неба. Одни одобряют войну, другие – против; предпочтение отдается третьему предложению, уже ранее упомянутому Сатаной, – расследовать правильность Небесного пророчества или предания относительно нового мира и нового рода созданий, равных Ангелам или лишь немного менее совершенных, которые должны были быть сотворены к этому времени. Возникают сомнения, кого бы послать на столь трудные поиски. Сатана, как верховный вождь, берет лично на себя это путешествие, предложение его встречено почестями и всеобщим одобрением. Совет, таким образом, кончается; Демоны избирают себе разные пути и занятия, сообразно своим наклонностям, чтобы скоротать время до возвращения Сатаны. Этот последний, начав свое путешествие, приходит к дверям Ада, которые находит закрытыми, и при них – двух стражей. Стражи наконец открывают ему двери, причем обнаруживается громадная пропасть между Небом и Адом. Изображаются трудности перехода этой бездны; Сатану направляет Хаос, господствующий над нею, к искомому новому миру.

На троне пышном, царственном, далёко
Превосходившем роскошью своей
Великолепье Ормуза⁴⁰ иль Инда⁴¹
И все обилие золота и перлов,
Которое без счета изливает
Восток богатый щедрою рукой
На варварских царей своих, надменно
Сидел, всех выше, Сатана, – отличие
Печальное он это заслужил.
От страшного отчаянья возвышен
До торжества, о коем не мечтал, –
Теперь уж он и этим недоволен,
Стремится выше, ненасытно хочет
Вести он с Небом тщетную войну.
Не научен жестокой неудачей,
Он в гордости такую речь держал:

«О божества небес! Державы, Власти!
Я убежден, что нет той страшной бездны,
Которая могла бы поглотить
И удержать в себе навеки силу
Бессмертную, хотя б она была
Побеждена, – а потому надеюсь,
Что Небо не потеряно для нас.

⁴⁰ *Ормуз* – древний город, стоявший некогда на одноименном острове в Персидском заливе.

⁴¹ *Инд* – здесь, очевидно, имеются в виду индийские государства, располагавшиеся вдоль берегов реки Инд.

Поднявшись из печального паденья,
Покажется еще славнее доблесть
Небесная, еще грозней, чем если б
Того паденья не было; итак,
В себя должны мы верить, не страшиться,
Что вновь удар судьбы постигнет нас.
Что до меня, то, по законам Неба,
Я искони был предводитель ваш,
И выбором свободным это званье
Мое вы укрепили, а к тому
Прибавились еще мои заслуги
В совете и в бою: по крайней мере,
Свою утрату этим я покрыл
И укрепился тем прочней на троне
По общему согласью, и притом
Вне зависти. Когда мы жили в Небе,
То положенье высшее, которым
Достоинство отмечено, могло б
Причиною быть зависти для низших;
А здесь, где место высшее лишь ставит
Всех ближе под удары Громовержца,
Как крепость, защищающую вас,
И повод к высшей доле вечной скорби, —
О зависти возможно ль говорить?
Здесь нет Добра, которое могло бы
Быть поводом к борьбе, а потому
Ни партий, ни борьбы здесь быть не может;
Никто искать не станет старшинства
В Аду; никто, имея только долю

Мучения, не будет столь тщеславен,
Чтоб большего мучения искать.
Имея эту выгоду союза
Прочнейшего, и твердого согласия,
И крепкого доверия, теперь
Еще скорее можем мы, чем в Небе,
Потребовать наследственных прав наших,
И на успех надеяться скорее
Мы можем здесь, чем было это там,
Где было обеспечено нам счастье.
Но надлежит теперь нам обсудить,
Что лучше, чтоб достигнуть нашей цели:
Открытую ль войну нам повести
Иль обратиться к скрытому коварству?
Кто может дать совет, пусть говорит!»

Так он сказал, и встал Молох немедля,
Могучий царь со скипетром, — сильнейший
И самый смелый из борцов, что в Небе
Сражались; после страшной битвы той
С отчаянья он стал еще смелее.
Он думал, что Предвечному по силе
Он равен и скорей бы согласился
Совсем не быть, чем быть слабей Его.
Отдавшись этой мысли, позабыл он
Страх перед всем — пред Богом, перед Адом
Иль что быть может худшего. Он молвил:

«Я — за войну открытую! Хитрить

Не мастер я – не похваюсь я этим;
Хитри, кто в том нуждается; притом же
Лишь вовремя полезна хитрость нам,
Но не теперь. Пока хитрить мы будем,
Ужели миллионы, что здесь ждут,
В вооружении полным, знака к битве,
Томиться будут в праздном ожидании,
Как беглецы Небес, за свой приют
Приняв беспрекословно эту яму
Позорную – тюрьму, в которой мы
Заключены велением тирана,
Лишь потому царящего над миром,
Что терпим мы Его? Нет, предпочтем,
Вооружась огнем и гневом Ада,
Немедленно, с неодолимой силой
Напасть на крепость вышнюю Небес;
Мученья наши обратим в оружие
Ужасное, Мучителю назло,
Чтоб Он, навстречу грому всемогущих
Своих орудий, слышал адский гром;
Чтоб молниям Его навстречу грозно
Сверкал огонь наш мрачный, поражая
Ряды покорных Ангелов Его;
Чтоб был и самый Трон Его высокий
Забрызган серой Тартара горячей,
Которой Он придумал мучить нас!
Но, может быть, покажется путь этот
Чрезмерно трудным и крутым – подняться
Открыто против высшего Врага?

О, пусть, кто это скажет, поразмыслит, —
Коль скоро он еще не усыплен
Зловредной влагой озера забвенья, —
Что к родине своей стремимся мы
Движеньем, нам присущим по природе,
А нисхождение с Неба и паденье
Противны ей. Не чувствовали ль мы
Еще недавно, яростно теснимы
Врагом, сломившим наш разбитый строй
И гнавшим нас до этой страшной бездны,
С каким мы принуждением и трудом
Спускались вниз? Тем легче нам подняться!
Иным, быть может, страшно за исход
Попытки нашей: думают, что если
Мы вызовем сильнейшего врага
На новый бой, то гнев Его изыщет
Еще иную, худшую нам кару, —
Как будто кара хуже есть, чем Ад!
Что может быть ужасней пребывания
Здесь, в этой тьме, в изгнание от блаженства,
В глубокой бездне горести и бед,
Где мучиться в огне неугасимом
Должны мы без надежды, без конца,
Быть ярости Его рабами вечно,
Бича неумолимого ударов
Ждать ежечасно? Что же претерпеть
Еще мы можем худшего, — иль разве
Погибнуть, уничтожиться совсем?
Чего же мы боимся? Почему же

Колеблемся Его мы довести
До крайности во гневе? Разъяренный,
Быть может, нас Он вовсе истребит
И уничтожит даже сущность нашу, –
По мне, такой исход все ж был бы лучше,
Чем вечное несчастье бытия.

А если нет и если сущность наша
Действительно божественна, бессмертна
И не престанет ввек существовать,
То ничего мы потерять не можем.
По опыту мы знаем, что довольно
Есть сил у нас, чтоб потревожить Небо;
Так будем же набегам грозить
Во все века престола роковому:
Пусть это не победа – так хоть месть!»

Окончил он и замолчал угрюмо;
В глазах его отчаянное мщенье
Сверкало, страшной битвой угрожая,
Для всех опасной, кто слабей, чем Бог.
Но вот с противной стороны поднялся,
Чтоб возразить Молоху, Велиал.
Он видом был приятнее и мягче,
Чем тот, и был прекраснейший из всех,
Кого лишилось Небо: был он создан,
Казалось, для высоких, славных дел,
Для высшего достоинства; но лживо
В нем было все и пусто; с языка
Мед капал у него; он мог дурное

В разумнейшем представить виде; лучший
Совет он мог испортить, исказить,
Затем что мысли низменны в нем были:
В пороке он искусен был, в делах же
Возвышенных ленив и боязлив.
Но ухо он умел ласкать словами
И вкрадчиво так начал речь свою:

«Я был бы очень за войну, о князи,
И в ненависти к нашему Врагу
Ни от кого я не отстал бы, если б
То, что приводят здесь как главный довод,
Чтоб нам начать немедленно войну,
Мне не казалось доводом обратным,
Не заключало б в сущности своей
Зловещего для нас предположенья.
Когда тот самый, кто в делах войны
Здесь выше всех, исполнен недоверья
К тому, что он советует, в чем прочих
Он превосходит, мужество свое
Лишь на слепом отчаяньи готовый
Обосновать и ставя высшей целью
Уничтоженье наше после некой
Ужасной мести, — что сказать об этом?
Во-первых, в чем же будет эта месть?
Ведь нам известно, что все башни Неба
Полны отважных часовых и к ним
Нам невозможно подойти; притом же
Расположились лагерем вокруг

Всей нашей бездны вражеские рати
Иль реют вокруг на сумрачных крылах
И вдаль и вширь по царству вечной ночи,
И мудрено застигнуть их врасплох.
А если бы мы силой попытались
Пробить себе дорогу и весь Ад
Восстал за нами в возмущении мрачном,
Чтоб помрачить Небес чистейший свет,
То Он, великий Враг наш, недоступный
Вреду и порче, на своем престоле
Сидел бы все ж, ничем не осквернен,
А ткань эфира, запятнать которой
Ничем нельзя, извергла б из себя
Все наше зло – очистилась бы сразу
От низкого огня. Отражены,
В отчаянье мы впали бы навеки.
Советуют нам приложить все силы,
Чтоб всемогущий Победитель наш
Был до того разгневан, что навеки
Покончить с нами захотел бы; в этом
Мы будто бы найдем себе утеху.
Печальная утеха! Кто из нас
Захочет прекратить существованье
Разумное свое, хотя б оно
Исполнено мучений вечных было?
Как? Уничтожить ум наш, наши мысли,
Которые пронизывают вечность,
Чтоб навсегда исчезнуть, поглотиться
В обширных недрах первородной Ночи,

И смысла, и движения лишенной?
Но пусть за благо это мы сочтем:
Кто ж может знать наверно, без сомненья,
Что гневный Враг наш может это благо
Нам дать иль дать захочет нам его?
Сомнительно, чтоб мог его Он дать нам,
Но никакого нет сомненья в том,
Что не захочет Он, столь мудрый, сразу
Излить весь гнев свой: не настолько Он
Бессилен и не так недалёковиден,
Чтоб волю Он врагов своих исполнил
И весь исчерпал гнев свой, если может
Карать их этим гневом без конца.
Те, кто к войне нас побудить желает,
Нам задают вопрос: что медлим мы?
Ведь мы в тюрьме заключены, разбиты,
Осуждены на вечные мученья;
Итак, что б мы ни сделали теперь,
Что худшего еще случиться может,
Что злейшего мы можем претерпеть?
Как! Разве это худшее, что может
Случиться, если мы сидим, как здесь,
В вооружении полным и в совете?
Когда стремглав летели мы сюда,
Гонимы, поражаемы ужасным
Небесным громом, и молили бездну
Укрыть нас, — разве было нам не хуже?
Тогда казался этот самый Ад
Убежищем для наших ран! В оковах

В пылающем мы озере лежали, –
Конечно, хуже было нам тогда!
А если, снова пробудясь, дыхание,
Которым страшный пламень тот зажжен,
Его раздует с семикратной силой
И нас совсем утопит в том огне?
Что, если отдыхающее мщенье
Поднимет снова огненную руку,
Чтоб мучить нас? Что, если грозный Мститель
Для этого все средства пустит в ход,
Со сводов Ада пламени потоки
На нас польются, и дрожать мы будем,
И этот свод обрушится на нас?
И вот мы, после храброго воззвания
И ободренья к доблестной войне,
Лишь попадем все в вихрь огнистой бури,
И каждого из нас она швырнет
И пригвоздит к утесу иль утопит
Навек в цепях, в кипящем океане,
И без конца мы будем там стонать,
Заброшены, забыты, сожаленья
Ни в ком не возбуждая, без надежды
Столетия за столетиями томясь.
Ужель не хуже будет нам, чем ныне?
Итак, свой голос подаю я против
Войны: открытой, тайной – все равно.
Что может сделать сила или хитрость
И кто возможет обмануть Того,
Чье око видит все единым взглядом?

Взирает Он с небесной высоты
На эти наши праздные попытки,
И видит, и осмеивает их.
Он столь же всемогущ, чтоб нашей силе
Противостать, сколь мудр, чтоб наши ковы
Расстроить все. Что ж, скажут, так должны
Мы жить здесь в этой низости, мы, племя
Небесное, должны сносить, терпеть,
Чтоб попирали нас в изгнание гнусном,
Мученья все нести, всю тягость уз?
Что ж делать, — на мой взгляд, все ж это лучше,
Чем худшее; так неизбежный рок
Велит нам, так желает Всемогущий;
То воля победителя... Страдать
И действовать — на то и на другое
В нас сила одинаковая есть,
И я считаю, что закон, который
Устроил это, не несправедлив.
Рассчитывать на это надлежало
Нам сразу, если были мы умны,
Когда в борьбу вступили с столь великим
Врагом и столь неверен был успех.
Смешно мне, если те, кто в битве смелы
И храбры, неудачу потерпев,
Трепещут и пугаются последствий,
Известных им заранее, — не хотят
Терпеть изгнания, мук, цепей, позора —
Всего, что победитель повелит.
Таков теперь удел наш; если будем

Его спокойно мы переносить,
Всевышний Враг со временем, быть может,
Свой гнев умерит; столь далек от нас,
Быть может, нас Он вовсе позабудет,
Коль раздражать не станем мы Его,
Иль наказание, что несем мы ныне,
Достаточным сочтет; огонь свирепый
Тогда ослабнет, если Он не будет
Его своим дыханьем раздувать.
Природа наша чистая, быть может,
Преодолеет силу испарений
Зловредных иль привыкнет их сносить,
Не чувствуя; иль, может быть, с теченьем
Времен она изменит весь свой склад,
Ей страшный жар родным, потребным станет
И боли ей не будет причинять;
Тот ужас, что теперь нас окружает,
Нам станет мил, тьма светом будет нам;
И мало ль что еще надежда может
Нам принести в бегущих вечно днях
Грядущего, какие перемены
Нам могут предстоять еще! Теперь
Наш жребий – Зло в сравненьи с прежним счастьем,
В сравненьи ж с худшим он для нас – Добро, –
Конечно, если на себя мы сами
Не пожелаем худшего навлечь».

Так Велиал, одев в покров разумный

Слова свои, советовал собратьям
Бесславное бездействие такое,
Лень мирную – однако же не мир.
И вслед за ним Маммон себе взял слово:

«Цель наша – иль войной с престола свергнуть
Небесного Царя, когда войну
Признаем мы за лучшее, иль только
Восстановить права, которых мы
Лишились. Свергнуть мы Его лишь можем,
Коль нам доставит вечная Судьба
Какой-нибудь совсем особый случай
И тяжбу нашу разрешит Хаос.
Коль скоро нам на первое не стоит
Надеяться, то и второе также
Не нужно; что за место, в самом деле,
В Небесном Царстве мы займем, коль скоро
Всевышнего не одолеем мы?
Допустим, что смягчит Он гнев Свой, всех нас
Помилует, коль скоро подчиниться
Ему мы клятву новую дадим;
С какими же глазами нам придется
Стоять пред ним смиренно, покоряясь
Законам строгим, царствие Его
В слащавых гимнах вечно славословить,
По принуждению «аллилуйя» петь
Пред Божеством Его, а Он, Владыка
Наш ненавистный, будет восседать
Торжественно на троне, обоняя

Амброзии цветы и ароматы
Жертв наших рабских алтарю Его?
Вот тот удел, какой найдем мы в Небе,
Вот радости, которые нас ждут!
Сколь тягостно так проводить всю вечность
В хвале и славословии Тому,
Кого мы ненавидим! Нет, не будем
Стремиться мы усилием невозможным
Иль милостью, которой от Него
Не можем мы принять, хотя бы в Небе, –
Достичь опять блистательного рабства!
Поищем своего в самих себе,
Жить станем для себя своею силой,
Свободны, никому не отдавая
Отчета, хоть бы в этой глубине,
И предпочтем суровую свободу
Всей славы рабской легкому ярму!
Величье наше возрастет тем больше,
Чем больше мы сумеем обращать
Ничтожное – в великое, дурное –
В полезное для нас, несчастье – в счастье;
Какое горе ни постигло б нас,
Куда бы ни попали мы – повсюду
Мы облегчим терпением и трудом
Свои страданья. Тьмою нас пугают;
Но разве Царь Небесный Всемогущий
Сам часто не скрывается во тьме
Меж туч густых, причем нисколько слава
Его не помрачается, когда

Он этой тьмою своей престол покроет,
И гром грохочет глухо из нея,
Собою гнев Владыки знаменуя,
Уподобляя Аду Небеса?
Как нашей тьме Он подражает, так же
Его мы свету можем подражать:
Пустыня эта скрытые богатства
В себе таит – и золото, и перлы,
А мы умом владеем и искусством,
Которое поможет нам достичь
Великолепия; чем же Небо лучше?
Мученья наши в долготу времен,
Быть может, станут нашею стихией;
Огонь палящий, ныне нам столь тяжкий,
Нам станет мягок и приятен; склад наш
Изменится по складу всей среды,
И мы мучений чувствовать не будем.
Итак, все это клонится к тому,
Чтоб мирное мы вынесли решение,
Установили здесь порядок свой
И рассудили, как всего удобней
Уладиться нам в бедствии своем,
Сообразив, что мы такое сами
И что нас окружает; о войне же –
Все мысли отложить. Вот мой совет».

Едва он кончил, как всеобщий говор
Наполнил все собранье. Так утесы
Во впадинах удерживают отзвук

Шумящих ветров, долгую всю ночь
Над морем бушевавших, а под утро
Баюкающих тихо моряков,
Которые, всю ночь не спав, заснули,
В утесистом заливе бросив якорь
И приютивши свой корабль иль лодку,
От бури убежавшую. Так дружно
Маммона речь приветствовали все,
Одобрив им предложенное мнение,
Что нужно мир хранить. Пред битвой новой
Они дрожали больше, чем пред Адом:
Такой внушил им ужас страшный гром
И Михаила меч. Хотелось также
Внизу свое им царство основать,
Которое, возникнув осторожно,
Могло бы стать с течением веков
Соперником достойным царству Неба.
Когда заметил это Вельзевул –
Который, после Сатаны, всех выше
Сидел, – поднялся с важным видом он
И, встав, столпом казался государства;
Глубокими чертами на челе
Начертан у него был ум высокий,
И о делах общественных забота
И царственный совет в его глазах
Светились; величавый и в паденьи,
Стоял он, мудрый, крепкий, как Атлант⁴²,

⁴² *Атлант* – титан, сын Иапета, восставший против Зевса и осужденный в наказание поддерживать небо на своих плечах.

Способный на плечах своих могучих
Обширнейших монархий бремя несть.
Его глубокий взор привлек внимание
И водворил повсюду тишину,
Какая лишь господствует средь ночи
Иль в полдень, в летний день. Он так сказал:

«Престолы, Власти, Доблести эфира
И отпрыски Небес! Ужель должны
От титулов мы этих отказаться
И называться впредь князьями Ада?
Как будто склонен весь народ к тому,
Чтоб нам остаться здесь, внизу, и царство
Здесь новое создать. Но, без сомненья,
Лишь потому об этом грезим мы,
Что позабыли, что Владыка Неба
Отвел нам это место как тюрьму,
Совсем не как убежище от власти
Его могучей, чтобы жили мы,
От высшего суда Небес изъяты,
И составляли заговор здесь против
Его престола; нет — хоть и вдали,
Держать Он нас желает в заключеньи
Строжайшем, в обузданьи, неизбежном
Для нас навек, как пленников Его;
Поверьте, что и в высоте небесной,
И в нашей бездне, первый и последний,
Везде Он хочет царствовать один,
И даже самой малой части царства

Не даст отторгнуть нашим мятежом.
Над Адом власть свою простер Он также,
И скипетром железным здесь над нами
Он властвует, как в Небе – золотым.
Что ж мы сидим и праздно обсуждаем –
Война иль мир? Была у нас война
И поразила нас утратай страшной,
Непоправимой; мира же никто
Не предлагал ни на каких условиях
И не просил; да и какой же мир
Предложен был бы нам, порабощенным?
Надзор суровый, вечные удары
И кары произвольные! А мы –
Каким Ему за то платили б миром?
Посильною лишь ненавистью нашей,
Враждой, упорством непреклонным, мстью
Хотя бы тихой, вечно замышляя,
Как сделать, чтобы Победитель наш
Плодов победы получил поменьше,
Как можно меньше наслаждался б тем,
Что причинил Он нам, чем мы страдаем!
И к этому найдется случай нам,
Причем ничуть предпринимать не надо
Поход опасный к самым Небесам,
Валам которых не страшна осада,
Ни нападение снизу. Нет, нельзя ли
Полегче предприятие нам найти?
Когда не лжет старинное преданье,
Пророчество для жителей Небес,

То существует место, мир особый,
Счастливое жилище неких новых
Созданий, коим имя — человек.
Они подобны нам и, хоть и ниже
По силе и достоинству, чем мы,
Но более, чем мы, Тому любезны,
Кто правит в Небе. Таковую волю
Он громко объявил среди богов
И подтвердил ее великой клятвой,
От коей содрогнулся круг Небес.
Направим же туда все наши мысли
Чтоб изучить созданий, там живущих, —
Какая сущность их, каков их склад,
И чем одарены они, в чем сила
И слабость их, и как на них напасть —
Насильем или хитростью. Пусть Небо
Закрыто нам и Вечный Судия
Сидит себе спокойно в полной силе,
Но это место, кажется, лежит
К нам ближе, на окраине владений
Его, и предоставлено защите
Одних лишь обитателей своих.
Здесь, может быть, внезапным нападением
Каких-нибудь достигнем выгод мы:
Огнем ли адским этот мир разрушим
Иль сделаем его своим владением,
Чтоб жителей младенческих изгнать,
Как были с Неба изгнаны мы сами;
Иль если не изгнать, то совратить,

Привлечь на нашу сторону, чтоб Бог их
Врагом их стал и собственной рукою,
Раскаявшись, разрушил Сам Свой труд!
Вот это – выше, чем простое мщенье!
Вполне мы можем этим отравить
Его восторг от торжества над нами,
Себе ж доставить радость созерцаньем
Его досады. Как Он огорчится,
Когда Его любимцы полетят
Стремглав, как мы, и проклянут природу
Непрочную свою и хрупкость счастья,
Увядшего столь быстро! Обсудите ж,
Достойна ли попытка эта нас,
Иль лучше нам сидеть во тьме и праздно
О царствах здесь несбыточных мечтать!»

Так Вельзевул сумел в словах искусных
Свой дьявольский совет представить; правда,
Мысль первая об этом Сатане
Принадлежала; он ее отчасти
Уж предлагал. Конечно, от кого ж
Могла такая глубина коварства
Происходить, как не от Сатаны,
Виновника всех зол? Он в самом корне
Хотел род человеческий сгубить
И Землю с Адом в гибели всеобщей
Смешать, назло Создателю. Однако
Все это Зло служило лишь к тому,
Чтоб славу Вседержителя возвысить.

Отважный план понравился весьма
Всем силам Ада: радость засверкала
В глазах у них. И вот в согласье полным
За этот план все голос подают.
Тогда он встал и, речь возобновляя,
Собранию сказал: «Синод богов!
Вы рассудили правильно, достойно
Закончили великий этот спор, —
Достойно вас самих дела решили
Великие, которые способны
Когда-нибудь, наперекор судьбине,
Нас вознести из бездны в высоту,
Приблизив снова к прежнему жилищу;
Быть может, там, по близости пределов
Блистательных Его, вооружась
В соседстве, мы благоприятный случай
Найдем, чтоб снова в Небо нам проникнуть;
Иль будем жить в ином удобном месте,
Не лишены сияния Небес,
Где луч востока нас от тьмы очистит
И мягкий воздух нам рубцы залечит
Глубокие от едкого огня,
Дыша на них целительным бальзамом.
Но ранее всего решить нам надо,
Кого послать нам, чтобы отыскать
Тот новый мир. В ком будет сил довольно,
Чтоб испытать опасный этот путь
В бездонной тьме пучины бесконечной,
Сквозь мрак нащупать верную дорогу,

Безвестную, иль, крылья распустив,
Полетом пронестись неутомимым
Над пропастью громадной, чтоб домчаться
До острова счастливого? Какая
Нужна здесь сила, сколько здесь искусства
Потребно! И какой счастливый случай
Здесь надобен, чтоб миновать удачно
Густую сеть постов сторожевых
И Ангелов бесчисленных избегнуть!
Он должен быть здесь очень осторожен,
И мы должны тем осторожней быть
При выборе посланника: зависит
Судьбы всей нашей тяжесть от него,
В нем наша вся последняя надежда!»
Сказал – и сел; и, вокруг вода свой взор,
Он ожидал, чтоб кто-нибудь явился
И возразил иль выразил согласие
И на себя опасный опыт взял;
Но все сидели молча, обсуждая
В уме опасность подвига, и каждый
В глазах другого свой испуг читал.
Никто из самых первых и высоких
Бойцов, недавно воевавших с Небом,
Отважиться не мог, чтоб предложить
Свои услуги или порученье
Взять на себя и одному свершить
Ужасный путь. Тут Сатана, чтоб славу
Свою среди собратий вновь возвысить,
Поднять до несравненной высоты,

Спокойно встал и с гордостью монарха,
В сознании высших сил своих, сказал:

«Престолы эмпиреев, дети Неба!
Недаром вас объяло, вижу я,
Глубокое безмолвье и сомненье,
Хоть и не страх: велик и труден путь,
От адской глубины ведущий к свету;
Крепка темница наша; круг огня,
Грозящего пожрать нас, окружает
Стеной девятикратной наш приют;
А выход нам алмазными вратами
Горящими закрыт. А если кто
Пройдет чрез них, он встретит лишь пучину
Глубокой ночи, вещества лишенной,
Со всех сторон зияющей вокруг,
Уничтоженьем бытия грозящей,
Все поглотить стремящейся окрест.
И если он в конце концов проникнет
В какой-нибудь оттуда новый мир,
Что ждет его в стране безвестной, кроме
Опасностей лишь новых, от которых
Избавиться – опять тяжелый труд?
Но не по праву занял бы, о князи,
Я этот трон высокий, не по праву
Украшен был бы этой высшей властью,
Вооружен могуществом столь славным,
Когда бы то, что признано пригодным

В собрание нашем общем, — будь оно
Опасно или трудно в высшей мере, —
Меня могло б хоть мало утратить
Иль помешать мне сделать этот опыт.
Ужель, приняв высокий царский сан,
Я от него не отказался б, если б
Я уклонился от высокой доли,
С опасностью и честью сопряженной?
Вполне прилична доля та тому,
Кто царствует; всех более достойна
Того, кто выше всех превознесен.
Идите же, Могущества и Власти,
Гроза Небес, хотя и пали вы!
Идите по домам — жилище это
Должно ведь домом нашим быть, — старайтесь,
Сколь можно, наши бедствия смягчить
И сделать Ад, сколь можно, выносимым;
Леченьем или чарами старайтесь
Ослабить или обмануть страданья
Ужасного жилища; будьте зорки
На страже вечно бдящего врага;
А я пойду один в края иные,
Сквозь разрушение общее искать
Желанного нам всем освобожденья.
Никто меня сопровождать не должен».

Промолвив это, встал монарх и тем
Предотвратил все возраженья. Мудро
Он поступил: когда б он так не сделал,

Возможно, что, узнав его решение,
Другие из вождей могли б свои
Услуги предложить (наверно зная,
Что их никак не примут), вызываясь
На то, чего страшились сперва;
Тогда они соперниками стали б
Ему во мненьи многих, получив
Ценой дешевой славу, для которой
Он должен был так страшно рисковать.
Они, однако, больше, чем попытки
Отважной этой, голоса боялись,
Которым Вождь им это запретил.
И вот они, с ним вместе, дружно встали,
И грозный шум от этого вставанья
Был грому отдаленному подобен.
С благоговеньем низко перед ним
Они склонились, чтя его, как Бога,
Превознося, как Вышнего Небес;
Не преминули также благодарность
И удивленье выразить ему
За то, что он для общего спасенья
Своим решился благом пренебречь.
Как видно, даже и у падших Духов
Угасла добродетель не совсем;
Пусть это знают те дурные люди,
Которые гордятся на Земле
Свершенными делами ради славы
Иль честолобья, прикрывая только
Их внешним блеском ложного усердья.

Так кончился сомнительный совет
Сил темных: восхищались несравненным
По доблести вождем своим они.
Так, если тучи мрачные, поднявшись
С высоких гор, в то время как заснул
Холодный ветер северный, покроют
Свод ясный неба и грозят земле,
Закутанной во мрак, дождем иль снегом, —
Вдруг к вечеру сияющее солнце
Проглянет между них косым лучом,
И оживают тихие поляны,
Вновь раздаются птичьи голоса,
Мычат стада от радости и снова
Полны веселых звуков холм и дол.
Стыдитесь, люди! С дьяволами Дьявол
Живет в согласье; только человек,
Единственный из всех разумных тварей,
Враждует вечно с прочими людьми,
Хоть не лишен надежды он на милость
Небесную! Бог мир хранить велит,
А люди вечно ненавистью пышут,
Враждуют меж собой, ведут борьбу,
Кровавые заводят вечно войны,
Опустошают землю, чтоб друг другу
Вредить, хотя к согласью побудить
Могло б их то, что человек имеет
В Аду врагов довольно, чьи стремленья

И день и ночь бедой ему грозят.
Итак, совет Стигийский разошелся.
Все преисподней главные князья
Шли вместе, и меж них — их вождь великий.
Он мог, казалось, быть один из всех
Соперником Небес, в Аду ж являлся
Он грозным повелителем; великой
Он окружен был пышностью и Богу
Своим величием подражал; вокруг
Теснилась свита гордых Серафимов⁴³,
Блистательных, в вооружении грозном.
И вот они велят о результате
Великого совета трубным звуком
Торжественно везде оповестить;
По направлению четырех всех ветров
Поспешные четыре Херувима⁴⁴
Несутся, трубы приложив к устам,
Герольды ж весть народу объясняют;
По всей громадной бездне вдаль и вширь
Разносится она, и, оглушая,
Грохочет всюду одобренья крик.
Им на душе как будто легче стало;
Обманчивой утешены надеждой,
Расходятся их полчища, и все
Идут своей особою дорогой,

⁴³ *Серафимы* — высший чин ангельской иерархии, ближайший к Богу. Смысл их имени связывался с огнем, горением.

⁴⁴ *Херувимы* — второй по старшинству чин ангельской иерархии. Это крылатые существа; связываются с ветром.

Куда кого наклонности ведут,
Иль грустный выбор направляет, чтобы
Рассеять дум печальных вечный бег
И скоротать часы тоски невольной,
Пока вернется их великий вождь.
Одни в равнине бродят, а другие
Парят на крыльях в воздухе иль в быстрый
Пустились бег, как в играх Олимпийских
Иль на полях Пифийских; третьи ловко
Коней смиряют гордых или мчатся
В ристалище на пышных колесницах;
Другие стали в грозный строй, бригады
Образовав. Так, чтоб предостеречь
Чрезмерно гордый город, посылает
Судьба на небе знаменье порой:
Является войны виденье в тучах,
Идут полки в нависших облаках,
А перед ними рыцари несутся
Воздушные и копьями грозят
Друг другу и, сшибаясь, легионы
Мешаются, и жаркий бой кипит
От края и до края небосвода.
Иные, будто бешенством Тифена⁴⁵
Объятые, рвут горы и холмы,
Иль в воздухе несутся шумным вихрем:
Едва выносит бурю эту Ад.
Так некогда Алкид⁴⁶, идя, увенчан

⁴⁵ *Тифен*, или Тифон – см. примеч. к с. 12.

⁴⁶ *Алкид* – прозвище Геркулеса (Геракла).

Победой, из Эхалии⁴⁷, надел
Отравленный наряд и, мучим болью,
Рвал сосны фессалийские с корнями,
Лихаса же с вершины Эты в море
Эгейское швырнул. Другие, нравом
Спокойнее и мягче, удалясь,
В долине тихой сели, воспевая
По-ангельски, при звуках многих арф
Свои дела геройские и горе
Паденья после битвы неудачной,
И жалобно пеняли на Судьбу,
Которая над доблестью свободной
Случайности иль силе власть дает.
Хоть песня та хвалой односторонней
Превозносила только их самих,
Но дивною гармонией своею
(Как может быть иначе, если Духи
Бессмертные поют?) она весь Ад
К себе невольно привлекла: стеснилась
Вокруг толпа и слушала. Другие
Приятною беседой утешались
(Ведь красноречье – радость для ума,
Как музыка – для чувства); холм избрали

⁴⁷ *Эхалия* – город в Беотии, разрушенный Геркулесом за то, что царь его, Еврит, не хотел отдать ему в жены дочь свою Иолу. Похитив Иолу, Геркулес отправился домой и хотел отдохнуть на острове Эвбея; там жена его Деянира, ревнуя к Иоле, прислала ему одежду, отравленную кровью кентавра Несса, раненного Геркулесом. Надев ее, Геркулес почувствовал жгучую боль; впав в бешенство, он сорвал одежду и бросил в Эгейское море Лихаса, посланника Деяниры, принесшего ее.

Они отдельный, чтоб отдаться там
Высоким мыслям: рассуждали важно
О воле, о судьбе, о Провиденьи,
Предвиденьи, об абсолютном знаньи
И о свободе воли, – без конца
Теряясь в лабиринте философском.
Судили там о Зле и о Добре,
О счастье и о бедствии, о страсти,
Бесстрастности, о славе и стыде;
Все это было – тщетное лишь знание,
Пустого любомудрия обман,
Но все же их очарованьем неким
Пленяло, помогая им забыть
На время боль и скорбную тревогу,
Иль лживую надежду пробудить
И укрепить терпением упорным
Больную грудь их, как тройною сталью.
Другая часть, образовав отряды
И партии, пустились смело в путь,
Чтоб изучить весь этот мир печальный,
Найти, быть может, климат, где бы легче
Жилось им. Разделилися они
По четырем дорогам, в направлены
Всех четырех рек адских, чьи потоки
В пылающее озеро бегут,
Туда струи печальные вливая.
Вот имена тех рек: ужасный Стикс,
Река смертельной ненависти вечной;
Река печали мрачной – Ахерон;

Коцит – всечасно жалобой и плачем
Тревожно оглашаемый; затем
Свирепый, грозный Флегетон, чьи волны
Неугасимым пламенем кипят;
Вдали от них – река забвенья, Лета,
Безмолвная и тихая, стремится
Извивами, как водный лабиринт;
Кто выпьет из нее – сейчас забудет,
Чем был он прежде, что он есть теперь,
Печаль и радость, счастье и страданье.
За эту рекою материк
Лежит, холодный вечно, темный, дикий,
Бичуемый без перерыва бурей,
Несущую при страшном вихре град,
Который здесь не тает, а, скопляясь
В громадных кучах, образует нечто
Подобное развалинам дворца
Старинного; здесь лед и снег глубокий
Лежат, как топь Сербонского болота⁴⁸
Меж Дамиатой и горою древней,
Что Касием зовется, где не раз
Бесчисленные полчища тонули.
Суровый воздух здесь морозом жжет,
И самый холод здесь огню подобен.
Ужасные, как гарпии, когтями

⁴⁸ ...как топь Сербонского болота... – Сербонское озеро лежало между горой Касий и городом Дамиатой близ устьев Нила; тонкий песок окрестной пустыни, гонимый ветром, иногда засыпал его, так что оно превращалось в зыбкое болото, где погибали целые армии.

Влекут, вцепившись, Фурии сюда
В известный срок несчастных осужденных;
От крайностей жестокой перемены
Тем горше боль, а крайность тем сильней.
Чем более страшна другая крайность;
Перенесен от пламенного ложа
На лед промерзший нежный их эфир.
Окоченев, в столбы их превращает
Недвижные, и так они стоят,
Прикреплены; по минованьи ж срока
Их Фурии ввергают вновь в огонь.
И вот они вдоль русла Леты бродят
То здесь, то там, и скорбь их все растет;
Они хотят, стараются напрасно
Достать струи манящей их реки,
Чтоб утолить, хоть каплею единой,
В забвеньи сладком горе и тоску;
Казалось бы, один лишь миг – так близок
Им край реки; но не велит Судьба:
Медуза и все страшные Горгоны⁴⁹
Тот край заветный строго стерегут,
И самые струи бегут живого
Прикосновенья уст их, – так бежала
От жаждущих уст Тантала⁵⁰ вода.

⁴⁹ ...Медуза и все страшные Горгоны... – по Гесиоду, было три Горгоны, страшные существа со змеями вместо волос и с окаменяющим взором: Сфено, Эвриала и Медуза.

⁵⁰ Тантал – богатый царь фригийский, сын Зевса и богини богатства Плуты; раскрыл вверенные ему тайны Зевса и предложил в пищу богам тело сына своего

Так бродит, пораженная смущеньем,
Искателей отважная толпа,
От ужаса невольного бледнея;
В глазах испуг: теперь они лишь видят,
Какой печальный жребий выпал им,
И нет им ни утехи, ни покоя.
Они проходят множество долин
Угрюмых, мрачных, много стран печали,
Чрез много гор высоких – то морозных,
То пламенных, – чрез множество утесов,
Пещер, болот, стремнин, ущелий, топей, –
На всем лежит зловещей смерти тень;
Вокруг – мир смерти, созданный проклятьем
Всевышнего, – Зло, годное лишь Злу,
Тот мир, где все живое умирает,
Лишь смерть живет и где, извращена,
Природа лишь чудовищ порождает –
Одних лишь чудищ страшных, безобразных,
Невыразимо гнусных – хуже всех,
Что сочинили сказки или ужас
Когда-либо внушил воображенью, –
Горгон и Гидр⁵¹ и яростных Химер⁵².

Пелопса, разрубленное на куски; за это он был наказан тем, что стоял в Аду по горло в воде, а над головою у него висели плоды; когда он нагибался, чтобы напиться, вода уходила вниз, а когда хотел достать плоды, они поднимались вверх; таким образом, он вечно мучился голодом и жаждой.

⁵¹ *Гидры* – мифические гигантские водяные змеи; особенно знаменита многоглавая лернейская гидра, убитая Геркулесом.

⁵² *Химера* – чудовище, извергавшее огонь, имевшее спереди вид льва, сзади дракона, с туловищем козы; она была урита Беллерофонтом.

Меж тем, противник и людей и Бога,
Летел на быстрых крыльях Сатана,
Воспламененный мыслями о цели
Своей высокой; к Адовым вратам
Он направлял полет свой одинокий.
То вправо уклонялся он, то влево,
То, крылья распластав, летел вниз,
То ввысь взвивался к пламенному своду.
Как издали, как будто в облаках
Повисший, флот виднеется, плывущий
На парусах от берегов Бенгальских
При ветре равноденствия попутном
Иль с островов Терната и Тидора⁵³,
Откуда много пряностей везут
Купцы; как держат путь они торговый
Чрез море Эфиопское до Капской
Страны и ночью к полюсу стремятся –
Таким, паря вдали, казался Враг.
И вот уж стены Ада показались –
Высокая – до самой крыши страшной;
Втройне тройные были в них врата –
Три медных, три железных, три алмазных
Объятых вкруг огнем, который их,
Однако, не сжигает. Пред вратами
С той и другой сидело стороны
По страшному чудовищу; до чресл
Одно из чудищ женщиной казалось,

⁵³ *Тернат и Тидор* – острова в Тихом океане из группы Молуккских
Малайского архипелага.

Притом красивой, – остальное ж тело
Громадное покрыто чешуей,
В извивах, как змея, тянулось, жало
Смертельное неся; вокруг нее
Псов адских стая, лая непрерывно,
Кружилась, страшно разева пасти,
Как Церберы⁵⁴, творя ужасный шум;
Порою же они по произволу
Иль если им мешало что-нибудь,
К ней заползали в чрево, там скрываясь,
И продолжали лаять там и выть,
Хотя незримы; далеко не столько
Ужасны были псы свирепой Сциллы⁵⁵,
Купавшейся в том море, что проходит
Проливом меж Калабрией и берегом
Тринакрии⁵⁶ охрипшим; лучше их
Те псы, что мчатся за ночной колдуньей,
Когда она, по тайному призыву,
По воздуху летит, куда ее
Влечет приятный запах детской крови,
Чтоб с ведьмами лапландскими плясать,
Заклятьем ясный месяц помрачая.

⁵⁴ *Цербер* – трехголовый адский пес.

⁵⁵ *Сцилла* – чудовище с двенадцатью ногами, с шестью головами на длинных шеях и с рыбьим хвостом, опоясанным безобразными псами; она жила в пещере у моря, против Харибды, и поглощала мореплавателей, – поглотила, между прочим, шесть спутников Одиссея.

⁵⁶ ...*меж Калабрией и берегом Тринакрии*... – считалось, что Сцилла живет в пещере у пролива между Италией и Сицилией. *Тринакрия* – остров Сицилия.

Другой ужасный образ – если можно
Такое слово применить к тому,
Что не имеет образа, в чем трудно
Иль невозможно члены различить,
Ни рук, ни ног не видно и все тело
Какой-то тенью кажется неясной, –
Сидел недвижно, сумрачный как ночь,
Ужасен и свиреп, как десять Фурий,
И грозный, как сам Ад, вооружен
Огромным дротом. То, что головою
Казалось в нем, венчалось подобьем
Короны царской. Сатана к нему
Приблизился; чудовище, поднявшись,
Пошло к нему громадными шагами,
И от шагов тех содрогался Ад.
Враг, не смутясь, смотрел и удивлялся,
Что б это быть могло, – но не страшился:
Ему ничто из всех созданий мира
Не страшно было; все считать ничтожным
Готов он был; лишь Бог и Божий Сын
Ему могли быть страшны. И, с презреньем
Смотря навстречу, так он начал речь:

«Кто ты, ужасный образ нестерпимый,
Что, хоть свиреп и грозен, смеешь ты,
Противостав всем телом безобразным,
Мне заграждать дорогу к тем вратам?
Но я пройду чрез них – в том будь уверен –
И позволения у тебя просить

Не буду. Прочь с дороги иль безумье
Решись свое на деле испытать
И научись тогда, отродье Ада,
Вперед не спорить с силами Небес!»

И в ярости ему ответил демон:
«Так это ты, изменник-Ангел, ты,
Который первый мир нарушил в Небе
И клятву преступил, дотоле свято
Хранимую, и, дерзко возмутясь,
Увлек с собою треть сынов небесных,
Чтоб против Вышнего восстать, за что
Ты и они, отпавшие от Бога,
Осуждены здесь вечно дни свои
Влачить в тоске и скорби беспредельной?
И ты дерзаешь, обреченный Аду,
Себя к Небесным Силам причислять?
И смеешь ты презрительный свой вызов
Бросать тому, кто Царь и Властелин
Мест этих? Да, скажу тебе прямее,
Чтоб более еще тебя взбесить:
Твой Царь и Властелин! Иди, лжец беглый.
Иди назад, чтоб кару отбывать!
Спеши, чтоб я бичами скорпионов
Медлительность твою не подогнал,
Спеши на крыльях – или этим дротом
Тебя я так ужасно поражу,
Что ощутишь ты боль, какой не ведал!»

Так говорил свирепый этот ужас;
Произнося угрозы эти, он
Стал в десять раз страшней и безобразней.
С другой же стороны, негодованьем
Пылая, смело Сатана стоял
И весь горел, как яркая комета,
Которая в полярных небесах
Во всю длину сияет Офиуха⁵⁷
И сыплет с волосатого хвоста
Войну и язву моровую. Оба,
Копье друг другу в голову нацелив,
Стоят, врага желая поразить
Одним ударом, грозны, как две тучи,
Чреватые оружием Небес,
Которые над Каспием сошлись:
Стоят они лицом к лицу и медлят,
Пока не даст сигнала ветер им
Средь воздуха столкнуться мрачной встречей.
Так мрачен вид был двух бойцов могучих,
Что самый Ад еще мрачнее стал.
Никто еще из них врага такого
Не видел; здесь свершились бы дела
Великие, и громкою молвою
О тех делах наполнился бы Ад,
Когда б змееподобная колдунья,
Которая у Адских врат сидела,
Держа в руках ключ Ада роковой,

⁵⁷ *Офиух* (Змееносец) – созвездие, расположенное к югу от созвездия Геркулеса, к востоку от Весов, к западу от Орла, к северу от Скорпиона.

Не бросилась меж ними с громким криком:

«Отец, зачем рука твоя грозит
Единственному сыну? Что за ярость
Тебя так страшно обуяла, сын,
Что в голову отца копьем ты метишь?
И для кого — ты знаешь? Для Того,
Кто там вверху сидит и над тобою
Смеется! Возложил Он на тебя
Тяжелый труд, чтоб исполнял ты кары,
Которые присудит гнев Его,
Тот гнев, что справедливостью зовет Он,
Тот самый страшный гнев, который вас
Когда-нибудь обоих уничтожит!»

Сказала так — и адская чума
Мгновенно отступила; Сатана же
К колдунье речь такую обратил:

«Так странен был мне возглас твой, так странны
Слова, что ты сейчас произнесла,
Что вмиг моя рука остановилась
И медлит показать тебе на деле
Намеренья мои. Сперва хочу я
Знать, кто ты, образ двойственный, зовущий
Меня отцом, хоть в первый раз тебя
Я вижу здесь, в долине этой адской,
И почему ты говоришь, что этот
Ужасный призрак — сын мой? Я не знаю

Тебя; еще не видел я созданий
Столь отвратительных, как он и ты».

Она же, сторож Ада, отвечала:
«Как! Ты забыл меня? Иль столь дурна
Тебе кажусь я ныне, чьей красою
Ты в Небе восхищался? Помнишь, раз,
В собрании могучих Серафимов,
В отважный заговор вступивших против
Небесного Царя, внезапной болью
Ты поражен был, взор затмился твой,
И все в твоих глазах покрылось мраком,
И столб огня из головы твоей
Вдруг вышел, и образовалось слева
Большое в ней отверстие, откуда,
Подобная по виду и осанке
Тебе и столь же, как и ты, прекрасна,
Небесная богиня появилась
В вооруженьи полном? Изумленьем
Объяты были воинства Небес;
Они невольно отшатнулись в страхе
И нарекли тогда меня Грехом,
За знаменье зловещее считая.
Но постепенно стала я для них
Привычной, стала нравиться, и вскоре
Из тех, кто отвращались от меня,
Большая часть была моей красою
Привлечена, и более всех — ты,
Когда во мне свой образ совершенный

Все более привык ты узнавать.
И ты в меня влюбился, и со мною
Имел ты радость тайную, и вскоре
Я от тебя во чреве понесла.
Меж тем война настала; огласились
Сраженьями небесные поля.
И победил (могло ли быть иначе?)
В сраженьях тех наш всемогущий Враг,
А мы разбиты были и бежали
Сквозь эмпиреи. Наша рать стремглав
Вся сброшена была с высот небесных
В ужаснейшую бездну – с ней и я.
И в это время дан был ключ могучий
Мне в руки и приказано стеречь
Врата, навеки запертые, чтобы
Никто не мог открыть их без меня.
В раздумье я сидела, но недолго:
Во чреве, плод понесшем от тебя
И выросшем чрезмерно, я внезапно
Почуяла чудесное движенье,
И страшные в нем боли начались.
И наконец, тот ненавистный отпрыск,
Который здесь стоит перед тобой,
Твое рожденье, с яростным усилием
Путь проложил сквозь внутренность мою
И разорвал ее с ужасным страхом
И болью для меня; чрез это было
Мое все тело в нижней половине
Искажено. Рожденный мною враг

Пошел, всеразрушающим махая
Копьем своим. Воскликнув громко: «Смерть!» –
Пустилась я бежать. Весь Ад крошечный
При имени том страшном содрогнулся,
И громко он вздохнул из всех пещер,
И слово «смерть» откликнулось во вздохах.
Бежала я, а он бежал за мной,
Как кажется, скорей пылая страстью,
Чем яростью; проворнее меня,
Испуганную мать свою догнал он,
И вот в объятии гнусном и насильном
Со мной он эту свору породил
Чудовищ, вечно воющих, чьи крики
Меня бесценно окружают здесь;
Как сам ты видеть мог, я ежечасно
Их зачинаю, ежечасно также
Рожаю их: когда они хотят,
В родившее их чрево снова входят
И жрут там с воем внутренность мою,
Которая им пищу доставляет;
Затем, наружу вырвавшись опять,
Сознательным меня терзают страхом:
Нет отдыха, покоя нет от них!
Напротив Смерть сидит, в меня вперяя
Свой леденящий взор, – мой сын и враг,
Который, не найдя иной добычи,
Меня сейчас пожрал бы, мать свою,
Когда б не знал он, что конец мой будет
Его концом, что горьким я куском

Придусь ему – ужасною отравой:
Так повелела вечная Судьба.
Тебя ж, отец, я предостерегаю:
Беги его смертельного копья
И не надейся быть неуязвимым
В доспехах ярко блещущих твоих,
Хотя б они небесной были ткани:
Удар смертельный всех погубит, кроме
Единого, Кто там, вверху, царит».

Она умолкла. Сразу Враг лукавый
Сообразил, что может он извлечь
Из слов ее. И вот, придав тон мягкий
Словам своим, он кротко отвечал:
«Дочь милая, коль скоро ты считаешь
Меня своим отцом и говоришь,
Что это – сын прекрасный мой, залогом
Явившийся тех радостей и уз,
Которые имел с тобой я в Небе,
Тогда столь сладких, о которых грустно
Нам вспоминать с тех пор, как нас постигла
Нежданно эта злая перемена, –
Узнай: я не пришел сюда как враг:
Иду я лишь, чтоб принести свободу
От этой тьмы, от этих мрачных стен,
От этих мук – тебе, ему и прочим
Небесным Силам, тем, кто, защищая
Законные права свои, со мной
С высот небесных пали. Этот розыск

Единственный мне ими поручен;
Один за всех я вызвался чрез пропасть
Бездонную, без спутников, пройти
И, миновав громадную пустыню,
Искать того предсказанного места,
Где, как все знаки сходятся, теперь
Мир новый создал, круглый и обширный,
В соседстве Неба; тот блаженный мир
В себе созданий-выскачек лелеет,
Которые, быть может, вместо нас
Сотворены, — хоть от Небес подальше,
Чтоб в Небесах могучая толпа
Чрезмерно не размножилась бы снова
И не возник бы новый там мятеж.
Насколько эти вести справедливы
И нет ли новых тайн еще, узнать
Я тороплюсь; узнав, вернусь немедленно
И приведу тебя и Смерть в тот мир,
В котором заживете вы спокойно,
Невидимо там в воздухе паря,
Проникнутом бальзамом ароматов;
Там будете питаться вы обильно,
Без меры; вам добычей будет все!»

Он замолчал; они ж, казалось, были
Довольны речью чрезвычайно; Смерть
Ослабилась улыбкою ужасной,
Услышав, что свой голод утолит,
И за свое порадовалась чрево,

Которому увидеть предстояло
Тот час счастливый; злая Смерти мать
Была довольна также и сказала:

«Мне ключ от этой адской бездны дан
По воле всемогущего Владыки
Небесного; алмазные врата
Запрещено мне открывать; на страже
С копьём своим стоит здесь крепко Смерть
И не страшится никого: не может
Никто живущий ей противостать.
Но для чего мне исполнять веленья,
Того, чью ненависть ко мне я знаю,
Которым я низвергнута позорно
Сюда, в глубокий, мрачный этот Тартар,
Чтоб службу ненавистную нести?
Я, небожитель, порожденье Неба,
Должна здесь в вечной скорби изнывать,
Средь ужасов и воплей непрестанных
Детей моих, что недра жрут мои!
Ты мой отец, ты мой творец единый,
Обязана тебе я бытием!
Кому ж, как не тебе, повиноваться?
За кем идти мне, как не за тобой?
Меня ты скоро выведешь отсюда
В тот новый мир, ко свету и блаженству;
Там буду я опять среди богов
В отраде жить, там буду одесную
Тебя, отец, царить в довольстве полном,

Как дочь твоя любимая, вовек!»

Слова промолвив эти, ключ проклятый,
Орудье наших бед, она взяла
И поползла, крутя свой хвост громадный,
К вратам и с силой быстро подняла
Решетку вверх, висевшую пред ними,
Которой не могли бы без нее
Стигийские все силы сдвинуть с места.
Затем в замочной скважине она
Вращает ключ запутанный и сложный, —
И сразу все запоры и засовы,
Железные и каменные массы
Свободно раздвигаются. И вмиг
С ужасной силой и жестоким скрипом
Раскрылись настежь адовы врата,
И гром такой произвело вращенье
Их на петлях, что задрожал Эреб⁵⁸
До глубины. Итак, она открыла
Врата, но силы не было у ней,
Чтоб их закрыть: они так и остались
Раскрытыми, и вход был так широк,
Что чрез него пройти могло бы войско,
Свои знамена пышно распустив,
С конями, колесницами, свободно
Строй развернув. Зиял их страшный зев,
Подобно горну, черный дым и пламя

⁵⁸ Эреб – источник мрака, сын Хаоса, брат Ночи.

Столбом зловещим красным изрыгая.
И вот открылись сразу перед ней
Все тайны древней бездны океана
Безмерного, без света, без пределов,
Где высота, длина, и ширина,
И время, и пространство – не у места,
Где древняя лишь Ночь и с ней Хаос⁵⁹,
Как предки стародавние природы,
Анархию поддерживают вечно,
Где распри бесконечные шумят
И вечное царит во всем смятенье.
Жар, холод, сухость, сырость – все четыре
Отважные борца за власть здесь спорят,
Неся свои все атомы в борьбу,
Которые, по партиям сбираясь,
По племенам своим распределись,
Легко вооруженные иль в латах,
То острые, то нежные, то быстры,
То медленны, – кишат там без числа,
Подобные песчинкам жаркой почвы
Кирены или Барки⁶⁰, поднимаясь
В порывах вихрей, в вечной их борьбе
И опираясь легкими крылами
На них; к которой партии примкнет
Их больше, та и победит; решает
Их спор Хаос, решением своим

⁵⁹ *Хаос* – первоначальное беспредельное пространство, из которого произошло все существующее.

⁶⁰ *Кирена* и *Барка* – страны на северном берегу Африки, к западу от Египта.

Лишь подданных запутывая распрю;
А рядом с ним судья верховный, Случай,
Там царствует над всем. У этой бездны,
В которой нет ни берегов, ни моря,
Ни пламени, ни воздуха, где все
Первичные смешались элементы
И вечно там враждуют меж собой,
Пока Творец всесильный не захочет
Внести порядок в темные их массы,
Чтоб новые миры из них создать, —
У этой дикой бездны размышляя,
Стоял при входе в Ад великий Враг,
смотрел вперед и думал: предстояло
Ему не узкий переплыть пролив!
Он оглушен был также страшным шумом,
Подобным (если малое возможно
Сравнить с великим) грохоту, когда
Беллона⁶¹ все осадные орудья
В ход пустит, чтоб столицу разорить;
Тот грохот был не менее, чем если б
Со всех сторон упал небесный свод
И ось Земли стихии повернули б
В борьбе своей. Однако ж наконец
Свои он смело расправляет крылья,
Как паруса, пускается вперед,
Взвивается на восходящем дыме
И быстро отдаляется от дна.
Так много миль восходит он отважно,

⁶¹ *Беллона* — богиня войны у римлян.

Как бы хребет туч черных оседлав;
Но вдруг теряет эту он опору
И пустоту встречает под собой;
Напрасно бьет он крыльями: неожиданно
Он падает отвесно в глубину
На тысячу локтей, и по сегодня
Он продолжал бы падать, может быть,
Когда б, к несчастью, вдруг толчком могучим
Каких-то возмущенных облаков,
Селитрою и пламенем чреватых,
Он не вознесся вновь на много миль.
Так первой избежав беды, внезапно
Тут погрузился в мокрый он песок;
Под ним ни море, ни земля; с усиьем
Он движется вперед – то на ногах,
То на крылах; весло ему и парус
Теперь равно орудья. Так спешит
Через пустыню Гриф⁶², бегом иль также
На крыльях, чрез болота и холмы,
Преследуя упорно Аримаспа⁶³,
Укравшего хранимое им злато.
С таким упорством держит путь и Враг
Сквозь топь, чрез крутизну, через теснины,
Сквозь чащу, чрез пустыни, через камни,
Работая ногами и руками,

⁶² *Гриффы* – мифологические крылатые существа с львиным телом и орлиной головой; жили в Ринейских (Уральских) горах и стерегли золото Севера.

⁶³ *Аримаспы* – мифологическое одноглазое северное племя великанов, постоянно воевавших с грифами из-за золота.

И крыльями, и головой – плывя,
Бродя, шагая, ползая, взвиваясь
На крыльях. Наконец он слышит шум,
Несущийся из мрака, оглушая
Смешением всевозможных голосов;
К нему он путь бесстрашно направляет
В надежде, что найдет он Силу там
Иль Духа этой бездны бесконечной,
Живущего, быть может, в этом шуме,
И спросит у него, где путь ближайший
Ведет к границам света. Вдруг пред ним
Хаоса трон является в палатке,
Раскинутой над бездною глубокой;
С ним восседает траурная Ночь,
Старейшее из всех созданий в мире,
Делящая с ним царство; подле них
Сидят Аид и Оркус⁶⁴; рядом – имя
Демогоргона⁶⁵ страшное, затем
Молва и Случай, Смута и Смятение,
Раздор и силы прочие, – все спорят
На тысячу различных голосов.
К ним обратясь отважно, Сатана
Сказал: «О Силы, Духи этой бездны,
Хаос и ты, Ночь древняя! Пришел

⁶⁴ *Оркус* (Орк) – римский бог смерти, тождествен греческому владыке подземного царства *Аиду*.

⁶⁵ *Демогоргон* – неясное по значению имя какого-то таинственного демона магии; возможно, что это слово произошло через порчу слова «демиург» (создатель, художник).

Я к вам не как презренный соглядатай,
Не с тем, чтоб планы ваши узнавать
Иль нарушать владений ваших тайны, –
В пустыне этой мрачной я брожу
Лишь по необходимости; сквозь вашу
Обширную страну стремлюся к свету,
Один, без руководства, в ней теряясь!
Ищу я, где граничит этот мрак
С пределами Небес; пришел я с целью
Узнать то место, что от вас недавно
Отторгнул Царь эфира для Себя;
Туда лежит мой путь, туда направьте
Меня! За ту услугу принесу
Немалое я вам вознагражденье.
Изгнавши узурпатора, я область,
Утраченную вами, возвращу
Под вашу власть, во мрак первоначальный,
В котором сам я нахожусь, и вновь
Там водрузится знамя древней Ночи.
Вся выгода для вас, а мне – лишь месть».
Так молвил Враг. Ему ответил старый,
С запутанною речью, с искаженным
Лицом, Анарх⁶⁶: «Тебя я знаю, странник;
Ты – тот могучий Ангелов глава,
Которым был мятеж недавно поднят
Противу Повелителя Небес;
Ты побежден был; видел я и слышал
Все это: не могло такое войско

⁶⁶ Анарх – олицетворение безвластия.

Громадное без шума пробежать
Через эту бездну страшную; крушеньё
Ужасное постигло вас, разгром
Неслыханный вас поразил смятеньем;
Разверзлись небесные врата,
И следом победителей миллионы
За вами мчались. Я сижу здесь тихо
В своих границах, чтобы сохранить
Немного, что защищать осталось;
И так уже междоусобья ваши
Нам принесли ущерб, власть древней Ночи
Поколебалась сильно: был отторгнут
Сначала Ад, чтоб вашей быть тюрьмой,
Заняв внизу огромное пространство;
Теперь недавно Небо и Земля –
Мир новый, над моим висящий царством
На цепи золотой, с той стороны
Небес, откуда ваши легионы
Низверглись. Если ты идёшь туда,
Путь недалек, но тем опасность ближе.
Иди ж скорей: крушеньё, разоренье,
Грабеж, несчастье – выгода моя».

Он замолчал. Немедля, без ответа,
Пустился в путь дальнейший Сатана,
Обрадован, что берег он увидит
В широком море странствий наконец.
Со свежей, новой бодростью и силой
Он, пирамиде огненной подобно,

Вознеся ввысь, в широкое пространство,
Сквозь вечный спор враждующих стихий,
Меж ними путь свой смело пролагая.
Опасностей и трудностей он больше
Здесь претерпел, чем Арго⁶⁷, проходя
Босфор меж двух сходящихся утесов,
Иль Одиссей, когда он на обломках
От корабля, Харибды избегая,
Свой правил путь в другой водоворот.
Так с беспокойством и трудом прошел он
Свой путь, — теперь с трудом и беспокойством,
Но с той поры, как он его прошел,
Свершилось паденье человека, —
И как переменялся этот путь!
Здесь Грех и Смерть (по попущенью Неба),
Идя отважно по следам Врага,
Построили широкую дорогу,
Мощенную над этой бездной мрака,
И пропасть та кипящая несла
Покорно мост длины неимоверной
От Ада вплоть до крайнего предела
Земного мира бренного; тот путь
Легко отпадших духов сообщает
С землей, чтоб искушать они могли
Или карать всех грешных смертных, кроме
Лишь тех, кого, по милости особой,
Хранят Господь иль Ангелы добра.

⁶⁷ *Арго* — корабль греческих героев, аргонавтов, отправившихся в Колхиду за золотым руном.

Вот наконец священное влияние
Свое являет животворный свет;
Со стен небесных в недра темной Ночи
Заря, мерцая, шлет свои лучи.
Здесь – крайние пределы, до которых
Свой жезл Природа простирает; здесь
Хаос слабеет, – от ее преддверья
Уходит он, как побежденный враг:
Здесь менее шумит он и бушует.
Здесь Сатана спокойней, облегченный,
Плывет в волнах, чья зыбь теперь слабей,
Сквозь полумрак; он кораблю подобен,
В жестокой буре бившемуся долго,
Который путь с отрадой держит в порт,
Хоть растеряв изорванные снасти.
В пустом пространстве, воздуху подобном,
Он держится на распростертых крыльях
И может уж отсюда созерцать
Вдали всю ширь небесных эмпиреев –
Квадратную или круглую – неясны
Их очертанья; башни из опалов
Он видит, видит крепости Небес,
Живым сапфиром блещущие; были
Они когда-то родиной его!..
А подле виден новый мир, висящий
На цепи золотой величиной
Как звездочка малейшего размера,
И месяц также виден рядом с ним.
Сюда, неся всю тяжесть злобной мести,

Проклятый, он в проклятый час спешит.

Книга третья

Содержание

Бог, восседая на престоле, видит, как Сатана летит по направлению к только что созданному тогда миру; Он показывает его своему Сыну, сидящему одесную Его, и предрекает, что Сатана будет иметь успех в сокрушении человека. При этом Он разъясняет, что Его справедливость и мудрость свободны от всякого нареkania, так как Он создал человека свободным и достаточно способным противостоять искушению; однако Он изъявляет свое намерение быть милосердным к человеку, ввиду того что последний падет не вследствие собственной злобы, как Сатана, а будет соблазнен Сатаной. Сын Божий воздает хвалу Отцу за изъявление милосердия к человеку; но тогда Бог объявляет, что милость не может быть оказана человеку без удовлетворения Божественной справедливости; человек оскорбил величие Божие, стремясь сам к божественности, и за то со всем своим потомством осужден на смерть и должен умереть, если кто-либо не будет найден достойным искупить это оскорбление и взять на себя наказание за него. Сын Божий добровольно предлагает Себя как искупительную жертву за человека; Отец принимает это предложение, повелевает Сыну воплотиться и провозглашает пре-

вознесение Его выше всех имен на земле и Небе; Он повелевает всем Ангелам оказывать Сыну Божеские почести. Ангелы повинуются и воспевают гимн полным хором на своих арфах, прославляя Отца и Сына. Между тем Сатана спускается на обнаженную выпуклость крайней границы нашего мира; странствуя, он прежде всего находит место, некогда называвшееся краем Суеты; описание лиц и вещей, которые туда прилетают. Затем он приходит к вратам Неба; описываются восхождение его по ступеням и воды, которые протекают тут, в Небесах. Он переходит затем в пределы солнца и находит там Уриила, правителя этой страны, но принимает перед ним образ младшего Ангела; выражая ревностное желание видеть вновь созданный мир и человека, которого Бог там поселил, он осведомляется о месте обитания человека и получает указание. Затем он спускается прежде всего на гору Нифат.

Хвала Тебе, перворожденный Неба,
Его высокий отпрыск, свет святой!
Достойно ль будет, если назову я
Тебя совечным Вечного лучом?
Ведь Бог есть свет; во свете несравненном
От вечности в Тебе Он пребывал;
Ты излишь светлое от светлой
Несотворенной сущности! Быть может,
Тебя скорее должен я назвать
Потоком ясным чистого эфира, —

И кто укажет нам источник Твой?
Ты прежде солнца был и прежде неба;
По зову Бога ризой Ты одел
Новорожденный мир, когда возник он
Из темных вод и бездны бесконечной,
Из пустоты бесформенных пучин.
К Тебе я вновь смелее возвращаюсь,
Покинув глубь Стигийскую, где долго
Я пребывал, откуда я летел,
Сквозь крайний мрак и средний воспаряя, –
Летел с иною песнью, чем Орфей⁶⁸:
Я о Хаосе пел и вечной Ночи,
Небесной Музой научен сойти
В глубокий мрак и вознестись оттуда,
Хоть труден был и редок этот путь.
И вот я вновь пришел к Тебе и чую
Твоей лампы животворной власть;
Но Ты, увы, не посетишь Ты боле
Моих очей: они напрасно ищут
Лучей Твоих, и нет рассвета им!
Их темная вода навек затмила,
Их помрачило темное бельмо!
И все же я в мечтах не перестану
С моею Музой посещать места

⁶⁸ *Орфей* – фракийский певец, который звуками своей лиры укрощал диких зверей; он сопровождал аргонавтов в их плавании; когда его супруга Эвридика умерла, он сошел в Ад и там пением так растрогал царицу подземного мира Персефону, что она позволила ему увести жену обратно на землю с условием не оглядываться назад, но Орфей не выдержал, и Эвридика осталась в Аду.

Красот весны, тенистых рощ отраду,
Живую прелесть солнечных холмов
И посвящать им пыл священной песни!
Но больше всех средь ночи беспросветной
Тебя, Сион, я буду посещать,
Твоих ручьев цветущие прибрежья
И воды, у священных ног Твоих
Журчащие! Я вспомню и о тех,
Кого судьба со мной сравнила горем,
С кем славой я сравняться бы хотел:
Слепого Тамириса⁶⁹, Меонида⁷⁰,
Тиресия⁷¹, Финея⁷², – этих древних
Пророков знаменитых вспомню я!
Питаться вечно думами я буду,
Они же сами сложатся всегда
В гармонию; так соловей бессонный
Поет во тьме, и мраком ночи кроет
Он песню вдохновенную свою.
Пусть для других на времена и части
Год делится: нет для меня ни дня,
Ни приближенья сладостного утра,

⁶⁹ *Тамирис* – фракийский певец, которого музы лишили зрения за то, что он осмелился состязаться с ними.

⁷⁰ *Меонид* – Гомер, происходивший, может быть, из Меонии, т. е. Лидии (из ионийских колоний в Малой Азии).

⁷¹ *Тиресий* – знаменитый прорицатель из Фив; ослеп в детстве, потому что выдал людям волю богов.

⁷² *Финей* – фракийский царь, имевший дар пророчества и ослепленный богами за то, что выдал планы Зевса.

Ни вечера, ни зелени весенней,
Ни летних роз, ни стад среди полей,
Не вижу человеческого лика
Божественной красоты! Вокруг меня
Мрак вечный все окутал темной тучей⁷³,
Лишил меня веселия людей;
И книга знанья дивная, в которой
Представлены природы все дела, —
Пуста, бесплодна для меня навеки:
Путь к мудрости при входе мне закрыт!
Тем ярче ты сияй же, свет небесный,
Внутри меня, и силы все души
Мне озари! Внутри пусть будут очи
Мои: от всякой скверны их очисти,
Чтоб все узрел я и поведать мог
О том, что взору смертному незримо!

С Престола несравненной высоты,
Стоящего в чистейших эмпиреях,
Отец всеильный взор свой преклонил,
Чтоб обозреть дела свои, а также
Дела своих созданий. Вкруг Него
Стояли тесно все святые Неба,
Как звезды, в созерцании Его
Блаженство несказанное вкушая.
С Ним рядом, одесную восседал
Лучистый образ славы Мiroдержца,

⁷³ *Вокруг меня мрак вечный все окутал темной тучей...* — Мильтон был слеп, когда сложил эти строки.

Его единый Сын. Взглянув на землю,
Он наших прародителей узрел,
Единственных лишь двух людей в ту пору,
Жилищем коих был блаженный сад,
Где без забот чета их пожинала
Плоды любви и радости бессмертной,
Где непрерывно счастье их цвело,
Соперников любовь их не имела,
В уединении Рай их окружал.
Затем на Ад воззрел Он и на бездну
Вокруг Него – и видит Сатану,
Летящего у стен Небес от Ночи
В высокой сфере сумрачной, готовясь
Остановиться, крыльям утомленным
Дав отдохнуть, на выступе открытом
Земной вселенной, где была, казалось,
Какая-то вне небосвода твердь,
Лежавшая иль в воздухе, иль в море.
И Бог, взирая с высоты своей,
С которой настоящее, бывшее
И будущее видно, предрекая,
Единственному Сыну так сказал:

«Единородный Сын мой, видишь ярость,
С которой мчится неприятель Наш?
Ни Мной ему предписанные грани,
Ни все преграды Ада, ни все цепи,
Которыми он был обременен,
Ни пропасти громадные пучины

Его не удержали; он, отчаясь,
Лишь мести ищет, хоть она ему же
На голову мятежную падет.
Теперь, отважно разорвав все узы.
Он держит путь поблизости Небес,
В пределы света смело направляясь,
В недавно мною сотворенный мир,
Где человек живет; предпринимает
Попытку он иль силой погубить
Созданий новых, или же, что хуже,
Их ложью и коварством совратить.
И он их совратит: пред ложью лстивой
Не устоит, подпав ей, человек
И заповедь единую преступит,
Покорности единственный залог.
И он, и вероломное потомство
Его падут. Чья будет в том вина?
Чья, если не его? Неблагодарный,
Все от Меня имел он, что иметь
Он мог; Я сотворил его правдивым
И честным, далъ довольно сил ему,
Чтоб устоять ему, — хоть и свободным,
Чтоб пасть он мог. Такими сотворил
Я силы все эфира и всех Духов —
И тех, кто устоял, и тех, кто пал.
Кто устоял, тот устоял свободно,
И столь же был свободен тот, кто пал.
Не будь они свободны, что могло бы
Свидетельством достаточным служить

Их искренней привязанности, твердой
Их верности, любви их непритворной?
Когда б они выказывали то,
Что им велит потребность, а не воля, —
Какая б им награда быть могла?
Какое мог бы удовлетворенье
Я от такой покорности иметь,
Когда бы вечно воля их и разум
(А разум есть и выбор в то же время)
Напрасны были, тщетны, несвободны,
Служа необходимости, не Мне?
Итак, они все созданы как надо;
Они не могут обвинять Творца;
Ни на судьбу, ни на свою природу
Они не могут сетовать, как было б,
Когда б была их воля стеснена
Моим сначала предопределеньем,
Зависела б во всех своих путях
От высшего предвиденья. Нет, сами
Они свой бунт решили, а не Я!
Я знал вперед, что будет он; но это
Предвиденье влиянья не имело
На то, что бунт случился: он случился б
Хотя б и не предвидел Я его.
Итак, вполне без всяких принуждений,
Без всякой тени власти роковой,
Без Моего вполне предусмотренья
Грешат они; на них вина во всем,
Что выбрали они и что решили.

Свободными Я создал их – свободны
Должны они остаться, если сами
Себя не ввергнут в рабство; поступая
Иначе, Я бы должен изменить
Природу их, и вечный, неизменный
Закон Я был бы должен отменить,
Которым Я им даровал свободу;
Паденьем же своим они себе
Обязаны самим; те Духи пали
Своим внушеньем собственным: они
Себя подвергли сами искушенью
И сами совратились; человек
Падет, обманут, соvrащен другими,
И потому помилован он будет,
А тем вовек помилованья нет.
Так справедливость вместе с милосердьем
Да будут вечной славою Моей
На Небе и Земле, но милосердьё
Да будет лучшим, первым и последним
И самым светлым славы той лучом!»
Так говорил Господь. Благоуханье
Амброзии по всем кругам Небес
Распространилось и невыразимым
Блаженством новым охватило всех
Здесь предстоявших Духов. Между ними
Всех без сравненья выше и славней
Был Божий Сын; в Нем как бы отражалась
Отца вся сущность; на Его лице
Божественном виднелось состраданье

И без конца любовь, без меры милость.
Их выражая, Он сказал Отцу:

«О Мой Отец! Прекрасно было слово,
Которым речь Ты властную свою
Закончил! Милосердье к человеку!
За это будут и Земля и Небо
Превозносить Тебя в своих хвалах
В бесчисленных, звучащих вечно, гимнах
Священных; будет ими окружен
Вовеки Твой престол благословенный!
Конечно: разве мог бы человек
Погибнуть навсегда? Ему – погибнуть,
Любимому созданию Твоему
И младшему из сыновей, – погибнуть
Из-за обмана, если б даже сам
Он подкрепил обман своим безумьем?
Нет, Отче, Ты от этого далек!
Того Ты не допустишь, всех созданий
Всеправедный, Великий Судия!
И неужели Враг Наш через это
Своих бы мог достигнуть злых целей
И помешать Твоим? Ужель исполнит
Свою он злобу, благодать же Твою
Всю превратит в ничто и возвратится
К себе, хотя б на злейшие мученья,
Но месть свою свершив, и повлечет
Все племя человеков соvrащенных
В Ад за собой? Ты можешь ли создание

Свое сгубить и для него разрушить,
Что для Своей Ты славы сотворил?
Тогда Твоя вся благодать, величье
Твое могли б сомненья возбудить,
Осуждены бы были без защиты».

Творец великий отвечал: «О Сын Мой,
В котором радость высшая Моя,
Сын сердца Моего, Ты, кто единый
Мое являешь слово, мудрость, силу, —
Все, что сказал Ты, — мысли лишь Мои,
Моих решений вечных выраженье!
Да, не погибнет вовсе человек!
В ком воля есть, дабы спастись, — спасется;
Не потому, что воля в том его,
Но потому, что может он свободно
Воззвать к великой милости Моей.
Да; Я восстановлю еще однажды
Его паденьем сломленные силы,
Хотя б испорчен и порабощен
Он был грехом желаний непомерных;
Поддержан Мною, снова может он
Восстать в борьбе с врагом своим смертельным;
Я поддержу его, чтоб видел он,
Насколько сам он по себе непрочен,
Что он освобождением своим
Обязан Мне, и никому иному.
По милости особой избери
Немногих Я, над прочими возвысив, —

На то Моя есть воля; к остальным
Взывать Я буду, предостерегая,
Чтоб во грехах покаялись они
И вовремя разгневанного Бога
Смягчили бы, пока дает Он милость.
Я просвещу их темные умы,
Смягчу сердца их каменные, чтобы
Молились и каялись они
И должную Мне принесли покорность.
К молитве, к покаянию, к послушанию, —
Лишь были б только искренни они, —
Мой слух не будет глух, не будет око
Мое закрыто. В руководство им
Я в них вложу Моим судьей совесть;
Коль скоро будут слушаться ее,
Свет озарять все более их будет,
И кто претерпит до конца — спасется.
Но кто презрит Мое долготерпенье,
Пренебрегая милостью Моей, —
Тот никогда спасенья не достигнет:
Жестокий пусть еще ожесточится,
Слепец пусть больше слепнет с каждым днем, —
Пусть, спотыкаясь, он падет тем глубже;
Но лишь таким Я милости не дам.
Но Я сказал еще не все. Решаясь
Нарушить послушанье, человек
Преступно тем свою нарушил верность
И оскорбил величие Небес,
Сам домогаясь богом стать; чрез это

Он у себя все отнял, что могло б
Хоть мало извинить его измену.
За это, осужден и обречен,
Со всем потомством умереть он должен;
Умрет иль справедливость, или он!
И только тем спасти его возможно,
Чтоб кто-нибудь нашелся за него
Достойный и желающий, кто взял бы
Грехи его всецело на себя
И заплатил бы, в удовлетворенье,
Суровою ценою – смерть за смерть.
Скажите же, Небесные вы Силы,
Где мы найдем подобную любовь?
Найдется ль кто из вас, столь милосердый,
Что пожелал бы сам он смертным стать,
Чтоб искупить грех смертный человека
И правдою неправедных спасти?
Такое есть ли в Небе милосердь?»

Он спросил; но весь небесный хор
Стоял немой; молчанье воцарилось
На Небесах; никто за человека
Заступником явиться не хотел,
Никто не смел смертельное паденье
На собственную голову навлечь
И заплатить греха тяжелый выкуп.
Итак, без искупленья род людской
Погиб бы весь, навеки осужденный
На Ад и смерть, когда бы Божий Сын,

Исполненный Божественной любовью,
Посредником бесценным не явился
И не сказал бы, обратясь к Отцу:

«Свое изрек Ты слово, Отче: должен
Помилован быть человек. Ужель
Путей к тому не сыщет милосердьё,
Которое всегда свой путь находит,
Из всех крылатых вестников Твоих
Быстрейшее? Ко всем Твоим созданиям
Оно приходит без предупреждения,
Без просьбы даже, без исканья! Счастье
Для человека, что оно приходит
Само собой! Он помощи его
Найти нигде и никогда не мог бы,
Потерянный и мертвый во грехе;
Греховный и погибший, он, конечно,
Сам искупить себя ничем не может,
Не в силах жертву должную принести.
Возри же на Меня: Я предлагаю
Себя за человека, жизнь за жизнь!
Пусть на Меня Твой гнев падет; готов Я
Страдать за человека; для него
Покину лоно Я Твое и славу,
Которую с Тобою здесь делю,
И даже за него умру охотно.
Пусть на Меня обрушит Смерть всю ярость:
Недолго, побежденный, буду Я
Подвластен игу мрачному: Ты дал мне

Жизнь вечную; в Тебе Я буду жить,
Хоть Смерти Я и уступлю, отдав ей
Все, что во Мне есть смертного; когда же
Я этот долг ей заплачу, Меня
Ты не оставишь в ненавистном гробе
Добычею ее; Ты не попустишь,
Чтоб непорочный дух Мой пребывал
Вовеки там, где тленье торжествует;
Нет, встану Я победоносно вновь,
И побежден Мой победитель будет,
Лишась добычи, коей он хвалился;
Смертельную получит рану Смерть
И, жало смертоносное утратив,
Бесславно покорится навсегда.
Я ж вознесусь и в торжестве великом
Пленный Ад к Тебе Я приведу
Пред очи, покорив все силы мрака.
И будешь Ты обрадован, Отец,
И ласково с Небес Мне улыбнешься,
Затем что Я, возвышен чрез Тебя,
Всех побегду врагов, и враг последний,
Смерть лютая, в гроб будет заключен.
Потом, с толпою душ, Мной искупленных,
На Небеса, покинутые Мною
На долгий срок, Я снова возвращусь,
И вновь лицо Твое увижу, Отче,
На коем тени гнева уж не будет,
А будет лишь прощение и мир;
Карать с тех пор не будешь Ты; блаженство

Лишь будет всем в присутствии Твоем».

Он речь окончил, но весь кроткий образ
Еще без слов, казалось, говорил
И весь дышал бессмертною любовью
Ко смертным людям; выше той любви
Сыновнее лишь было послушанье,
С которым Он, ту жертву предложив,
Великого Отца ждал высшей воли.
Объяты изумленьем, Небеса
Дивилися, — что это может значить,
К чему ведет? Но вскоре Всемогущий
Все разъяснил, так Сыну возразив:
«О Ты, который на Земле и в Небе
Единственный нашелся, чтоб дать мир
Согбенному под гневом человеку!
Единое Мое Ты утешенье!
Ты знаешь, сколь Мне дороги созданья
Мои и между ними человек,
Хоть и последним создан он. На время
Из-за него лишиться Я готов
Тебя; от лона Моего, от правой
Моей десницы удалишься Ты,
Дабы спасти потерянное племя.
Итак, для искупленья тех, которых
Лишь Ты единый можешь искупить,
Соедини природу их с Своею;
Как человек, живи в земной юдоли
Среди людей и плотью облекись!

Когда придет определенный Мною
Твой час, родишься дивно Ты от девы
И станешь ты, Адама заменив,
Главою человечества, хоть будешь
К сынам Адама сам принадлежать.
Как чрез него все люди погибают,
Так чрез Тебя все возродятся вновь,
Как от второго корня; возрожденье
Возможно будет лишь через Тебя,
И без Тебя никто не возродится.
Его проступок всех его сынов
Виновными, греховными соделал;
Твоя ж заслуга будет зачтена
Во искупленье всем, кто отречется
От дел своих, и добрых, и дурных,
И пожелает жить в Тебе, с Тобою
И от Тебя жизнь новую приять.
Так, с высшей справедливостью согласно,
За человека жертвой человек
Послужит искупительной; он будет
Суду подвергнут, смерти умрет,
Но вновь воскреснет и с собою вместе
Всех искупленных братьев воскресит
Чрез эту жертву жизни драгоценной.
Тем подвигом Божественной любви
Поражена вся злоба Ада будет;
Велик тот подвиг: смерти добровольно
Предаться, чтобы смертью искупить –
Да, искупить столь дорогой ценою –

То, что в своей безумной злобе Ад
Разрушил столь легко и продолжает
Еще поныне разрушать во всех,
Кто отвергает милость, хоть и может
Принять ее! Однако, снисходя
К принятию природы человека,
Мой Сын, отнюдь Ты этим не унизишь
Своей природы собственной. Хотя
Ты царствуешь в блаженстве величайшем,
Его вкушая с Богом наравне, —
Ты покидаешь все, чтоб мир погибший
Спасти; чрез это больше, чем по праву
Рожденья, Ты поистине Сын Божий,
И благостью Ты больше, чем величьем,
Святое это имя заслужил:
Любовь в Тебе еще обильней славы!
А потому своим уничиженьем
До высоты престола Моего
Свою Ты человечность возвышаешь;
Здесь, воплощенный, будешь Ты сидеть,
Как Бог и человек, царить здесь будешь —
И Божий Сын, и человека сын,
Помазанник на царство всей вселенной!
Всю власть Мою вручаю Я Тебе;
Цари вовеки в славе несравненной;
Тебе Я, как Верховному Главе,
Все подчиняю: Княжества, Престолы,
Могущества и Власти; перед Тобою
Смирятся все коленопреклоненно,

Все, кто живет на Небе, на Земле
Иль под землей в Аду. Когда ж во славе
Ты явишься на облаках небесных
И вестников-Архангелов пошлешь,
Чтоб возвестить свой Страшный суд, – отвсяду,
Со всех сторон живущие сберутся,
И все времен прошедших мертвецы
На суд всеобщий поспешат: восстанут
Они от сна, услыша громкий зов.
И все Твои святые соберутся
Вокруг Тебя, и будешь Ты судить
Всех злых людей и Ангелов; покорно
Все пред Твоим преклонятся Судом,
И Ада срок исполнится, и будет
Навеки он закрыт; а мир сторит,
Из пепла ж снова и Земля и Небо
Возникнут, и навеки водворится
Святая правда в новом мире том.
Так, после долгих бед и треволнений,
Увидит мир свои златые дни –
Дни, полные дел славных, благородных;
Восторжествует радость и любовь,
И царство дивной истины наступит.
Тогда Ты сложишь царский скипетр Свой,
Затем что в нем нужды уже не будет:
Бог будет все – во всем. Вы ж, божества,
Того, Кто умирает, чтоб достигнуть
Всех этих благ, всемерно обожайте
И чтите Сына так же, как Меня».

Едва промолвил это Всемогуший,
Все множество Сил ангельских вокруг
Воскликнуло хвалу: подобен грому
Был этот клич — затем что без числа
Небесной рати голоса гремели, —
И сладости безмерной, ибо Духи
Блаженные ко Господу зывали.
Так ликовали радостно они,
И громкое «осанна» оглашало
Все области предвечные Небес.
Пред тронами Отца и Сына низко
Склонялися они с благоговеньем,
Слагая к Их ногам свои венцы
Из золота с бессмертным амарантом —
Цветком, который некогда в Раю
У Древа жизни рос, когда ж паденье
Постигло человека, был оттоле
Вновь взят на Небо, к родине своей,
Где осеняет он источник жизни
И где река блаженства средь Небес,
Элизиум прекрасный орошая,
Стремит благоуханные струи.
Вовеки тот цветок не увядает;
Его в свои вплетают кудри Духи —
Избранники, перемешав с лучами.
Его они гирляндами теперь
Сложили на помост блестящий Неба,
Подобный морю из лазури чистой,
Которое покрыли, улыбаясь,

Небесных роз пурпурные цветы.
Затем они опять венцы надели
И взяли в руки арфы золотые,
Мелодией звучащие всегда,
Которые висели, как колчаны,
У них, сверкая дивно, за плечами,
И, сладостной прелюдией начав
Симфонию своей священной песни,
Восторг высокий возбудили вкруг.
Пел каждый Ангел, каждый голос дивно
С мелодией чудесной сочетался –
Так велико согласие в Небесах.
Всего первой Тебя они воспели,
Небесный Царь, Предвечный, Всемогущий
Бессмертный, Неизменный, Бесконечный,
Тебя, Создатель сущего всего,
Источник света, в дивном блеске славы
Незримый на престоле недоступном!
Когда, смягчая несравненный блеск,
Ты облаком, как храмом, окружаешь
Сверкающий лучами Твой престол
И затемняешь риз Своих сиянье,
Ты все же ослепляешь Небеса:
Светлейшие из светлых Серафимов
Приблизиться к престолу не дерзают
И закрывают крыльями глаза.
Затем они Тебя воспели громко,
Тебя, Кто создан прежде всех созданий,
Единородный Сын, подобье Бога,

В чьем видимом лице, без крова туч,
Узреть Себя дает Отец Всесильный,
Которого иначе ни одно
Из всех созданий мира зреть не может;
На Нем Его великой славы отблеск
Всечасно пребывает; на Тебе
Почил великий дух Отца; Тобою
Он сотворил все Небо и все Силы
Небесные; Тобою сокрушил
Могущества, стремившиеся к власти!
В тот день Ты не жалел ужасных громов
Отца, не останавливал колес
Твоей пылавшей ярко колесницы,
Потрясшей вековечный свод Небес,
Когда на ней промчался Ты по выям
Воителей, поверженных Тобой!
С погони возвращаясь победно,
Все Силы Неба одного Тебя
Торжественным превозносили кликом —
Тебя, о Сын могучего Отца,
Врагов Его сразивший славной местью.
Но человека Ты всегда щадил,
Затем что пал он жертвой их коварства;
Ты, милости и жалости Отец,
Не пожелал казнить его так строго:
Склонился Ты, напротив, к состраданию!
Как только Сын единый, Сын любимый
Увидел, что Отец творить намерен
Не строгий суд над слабым человеком,

Но к состраданию клонится тот суд, —
Он, чтобы гнев умерить, чтоб окончить
Спор между справедливостью суровой
И милосердьем, на лице Отца
Борьбою выражавшийся, решился
Покинуть несравненное блаженство,
В котором пребывал Он, но Отец
Из всех первейший, и за человека
Быть жертвой пожелал, идти готовый
На смерть. О беспримерная любовь!
Лишь Божество к такой любви способно!
Хвала ж Тебе, хвала, о Божий Сын,
Спаситель милосердый человека!
Да будет же Твое святое имя
Источником, навек неистощимым,
Моей хвалебной песни! Никогда
Моя о том пусть не умолкнет арфа,
Хваля Тебя и Вечного Отца!
Так в небесах, превыше сферы звездной,
Шли, в песнопеньи радостном и в гимнах
Торжественных, блаженные часы.
Меж тем уж Сатана, спустившись, бродит
По выпуклости мрачной, чей покров
Собой мир этот круглый окружает,
Включая сферы светлые внутри,
И служит им защитой от Хаоса
И от вторженья древней Ночи; шаром
Он кажется вдали, вблизи же с виду
То безграничный, мрачный материк,

Пустой, суровый, дикий, над которым
Висит весь ужас Ночи – тьма без звезд, –
И вечно грохот бурь там раздается
И шум Хаоса; вокруг все безотрадно;
С одной лишь стороны, от стен Небес,
Хоть на громадном расстоянью, слабо
Их отблеск отражается, и воздух
Там менее измучен ревом бурь.
Здесь Сатана бродил в пространстве темном.
Так коршун, уроженец Имауса⁷⁴,
Чьи снежные хребты кладут предел
Татар бродячих варварским набегам,
Покинув область, бедную добычей,
Ища ягнят иль молодых козлят
На тех холмах, где их стада пасутся,
Летит к истокам Ганга иль Гидаспа⁷⁵,
Индийских рек, но на пути своем
Спускается в бесплодную равнину
Обширной Сериканы⁷⁶, где китаец,
К соломенной своей тележке легкой
Приделав хитроумно паруса,
Ее предоставляет двигать ветру.
Итак, по той стране, подобной морю,
Бродил, при свисте ветра, Сатана,

⁷⁴ *Имаус* – так древние географы называли Гималаи и расположенные к северу от них горные цепи вплоть до Урала.

⁷⁵ *Гидасп* – один из притоков Инда.

⁷⁶ *Серикана* – Этим именем обозначалась у древних страна, соответствующая нынешнему Тибету, отчасти Китаю и Бухаре.

Весь погруженный в думу о добыче, —
Один; иных там не было созданий,
Живых иль мертвых, — не было тогда;
Позднее же сюда с Земли взлетели,
Как испаренья легкие эфира,
Все образы пустых и преходящих
Вещей — все то, чем грех и суета
Людскую жизнь так часто наполняют:
Пустые все дела и все, кто в них
Надежды на известность или славу
Иль счастья ищет, в жизни ли земной
Или в загробной; также все, кто ищет
В делах своих награды на Земле;
Все суеверья мученики, также
Ревнителю пустого увлечения,
И те, кто ищет лишь людских похвал;
Здесь все они имеют воздаянье
Пустое по пустым своим делам.
Все образы вещей сюда стеклися,
Природе не удавшихся: уроды,
Ублюдки, недоноски, — все, которым
Не удалось сложиться на Земле,
Которые здесь только праздно бродят
И ждут уничтоженья до конца.
Здесь именно лежит та область — вообще
Не на Луне соседней, как о том
Себе в мечтах иные представляли:
Ее поля серебряные служат
Скорее пребываньем для святых,

Сюда перенесенных, иль для Духов,
Стоящих посредине меж людьми
И Ангелов семьею. В эту область
Попало также и гигантов племя,
Рожденное от помеси греховной
Сынов и дочерей, – те, которых труд
Напрасен был, хоть имя знаменито:
Построили они когда-то башню
Близ Вавилона, в славной Сennaарской
Равнине, и готовы были б снова
Настроить их, лишь было б из чего.
Отдельных лиц здесь было также много;
Так, Эмпедокл⁷⁷, который, пожелав
Быть божеством, низвергся в пламя Этны,
Иль Клеомброт⁷⁸, который, чтоб вкусить
Элизиум Платона, прыгнул в море,
И многие другие – недоучки,
Безумные, отшельники, монахи,
Ходящие в нарядах белых, черных
Иль серых, с суетою всей своей.
Здесь пилигримы бродят, на Голгофе
Искавшие умершего Того,
Кто жизнь вкушает вечную на Небе,

⁷⁷ Эмпедокл – греческий философ из Агригента, автор особой космогонии; в действительности он умер в преклонном возрасте, в изгнании, но о жизни и смерти его сложилось множество сказок.

⁷⁸ Клеомброт – ученик Сократа; по преданию, увлекшись учением Платона о бессмертии души, окончил жизнь самоубийством, чтобы скорее насладиться этим бессмертием.

А также те, кто, чтобы в Рай попасть,
Пред смертью поспешно надевают
Одежды Доминика иль Франциска⁷⁹;
Они проходят через семь планет⁸⁰,
Чрез твердь и чрез хрустальную ту сферу⁸¹,
Что служит, говорят, противовесом
Дрожанию сфер и движется сама;
И вот уж Петр Святой у врат небесных
Их, кажется, со связкою ключей
Встречает, ногу уж они заносят,
Дабы вступить на Небеса, – и вдруг
Ужасный вихрь, откуда-то примчавшись,
Уносит их на десять тысяч миль
Совсем в другую сторону; несутся
Их клобуки, их ряссы, капюшоны
И сами их носители, и в клочья
Рвет ветер их одежды; буллы, свитки,
Прошенья, индульгенции – все мчится
Игрушкой ветра; падают они
Назад, за этот мир, в тот край обширный,
Что назывался Раем для глупцов

⁷⁹ *Доминик и Франциск* – католические святые, в честь которых основаны монашеские ордена доминиканцев и францисканцев.

⁸⁰ *...проходят через семь планет...* – древние знали пять видимых простым глазом планет – Меркурий, Венеру, Марс, Юпитер и Сатурн, а также называли планетами Солнце и Луну.

⁸¹ *...Чрез твердь и чрез хрустальную ту сферу...* – древние принимали существование нескольких небесных сфер, окружающих одна другую; *дрожанием сфер* они объясняли некоторые неправильные движения звезд.

И долго был немногим неизвестен,
А ныне стал ненаселен и пуст.
На этом-то громадном темном шаре
Бродил Враг долго; наконец вдали
Он замечает слабый проблеск света
И быстро направляется туда.
Уж издали он различает зданье
Высокое: до самых стен Небес
Ступеней ряд ведет великолепный,
А наверху, во много раз роскошней,
Как бы ворота царского дворца,
Украшены алмазами и золотом,
Портал же густо жемчугом восточным
Усеян; невозможно на земле
Создать тех врат хоть слабое подобье
Иль кистью их красу изобразить.
Ступени были таковы, как видел
Иаков их⁸², когда пред ним всходила
И нисходила ангельская рать
Блестящих стражей; это было ночью,
Когда, спасаясь от Исава, он
Бежал в Падан-Адам, к полям Лузийским;
Заснул он ночью под открытым небом,
Проснувшись же, вскричал: «Здесь дверь Небес!»
И каждая из тех ступеней чудных
Свое значенье тайное имела

⁸² *Ступени были таковы, как видел Иаков их...* – излагается сон библейского патриарха Иакова, бежавшего от мести своего брата Исава в Харрам (Книга Бытия, глава 28).

И не всегда на месте том была,
Но иногда незримо поднималась
На Небеса; являлося под ней
Тогда, сверкая, море из лазури
Иль жидкий жемчуг; если кто с земли
Тогда всходил на Небо, он чрез море,
Руководимый Ангелами, плыл
Иль чрез него летел на колеснице,
Влекомой мощью огненных коней.
Ступени были спущены – затем ли,
Чтоб легким восходом приманить Врага,
Иль чтоб ему тем тягостнее сделать
Его изгнание от дверей блаженства.
Внизу же, прямо против этих врат
И над благословенным местом Рая,
Широкая дорога проходила
К Земле – гораздо шире той дороги,
Которая позднее к горе Сионской
Вела и к милой Господу стране
Обетованной и путем служила
Для Ангелов, чтоб часто посещать
Могли они по высшему велению
Те племена счастливые, и часто
Они по ней ходили вверх и вниз,
И взор Его обозревал с любовью
Весь край от Панаеаса, где лежат
Верховья Иордана, до Берсебы⁸³ –
До местности, где та Земля святая

⁸³ *Берсеба*, или *Вирсавия* – город на границе Палестины и Аравии.

С Египтом и Аравией граничит.
Таким широким этот путь казался,
Границы полагая темноте,
Как океану берег есть граница.
Став у подножья лестницы златой,
Которая вела оттуда к Небу,
С невольным удивленьем Сатана
Смотрел на новый мир, пред ним внезапно
Открывшийся во всем своем объеме.
Так иногда разведчик, долго ночью
Блуждавший по путям пустым и темным,
Когда забрезжит радостный рассвет,
Взойдя на холм какой-нибудь высокий,
Вдруг пред собой встречает чудный вид
Чужой земли, невиданный дотоле,
Иль славная столица перед ним
Встает, сверкая куполами зданий
Под восходящим солнцем золотым.
Так удивился, хоть знаком был с Небом,
Злой дух, и был он завистью объят,
Увидев мир столь дивный, столь прекрасный.
Весь круг его он обозрел (легко
Он это сделать мог: над сводом Ночи
Стоял он на огромной высоте);
Водил он взор от крайнего востока,
Иль от Весов, вплоть до Овна, который
С далеких Атлантических морей
Под горизонт уносит Андромеду⁸⁴.

84 *Андромеда* – дочь эфиопского царя Кефея, жена Персея, помещенная

Его он видит, словом, вдаль и вширь,
От полюса до полюса. Немедля
Он направляет быстрый свой полет
Стремительно в ближайшую часть мира
И косвенно, без всякого труда,
Сквозь чистый воздух мраморный несется
Меж звезд несметных. Звездами казались
Они вдали, вблизи же это были
Особые обширные миры
Иль острова счастливые, подобно
Садам, издревле славным, Гесперид⁸⁵, –
Цветущие поля, долины, рощи,
Блаженные трикраты острова, –
Но кто на них живет, – на разъясненья
Не стал он тратить времени. Стремится
Скорей всего он к солнцу золотому
Сквозь небосвод спокойный (вверх иль вниз,
Сквозь центр иль вне его, по направлению
Вдоль иль в ширину, – определить
Не так легко). Великое светило
Стояло вдалеке от тучи звезд,
Что от него держались с почтеньем
На расстояньи; царственно оно
Лучи свои оттуда рассылало,
Они ж свершали звездный танец свой
И быстро мчались иль магнитной силой

Афиной в число созвездий.

⁸⁵ *Геспериды* – дочери Атланта, стерегли на крайнем западе золотые яблоки Геры, подаренные ей Геей (богиней земли) в день ее свадьбы с Зевсом.

Лучей его вращались. Согревало
Оно весь мир и даже, внутрь частей
Незримо проникая, изливало
В их глубину свою святую силу –
Так дивно поместилось оно.
На светлый диск спустился Враг; пожалуй,
С тех пор на нем подобного пятна
Не видели ни разу звездочеты.
То место выше всяких описаний
Прекрасно было: камень иль металл,
Которому нет на Земле подобных.
Он не повсюду одинаков был,
Но весь, как раскаленное железо,
Сверкал и, металлически блестя,
То золотом, то серебром казался,
Иль, если это камень был, подобен
Карбункулу он был иль хризолиту,
Рубину иль топазу, иль камням
Двенадцати, которыми украшен
Был панцирь Аарона, или камню,
Которого – иль хоть его подобья –
Философы везде искали тщетно,
Хотя они сумели уловить
Летучего Меркурия⁸⁶ и даже
Могли извлечь Протея⁸⁷ – старика,

⁸⁶ *Летучий Меркурий* – Меркурием в алхимии называлась ртуть.

⁸⁷ *Протей* – мифологический многоликий морской бог, которого почти невозможно было заставить принять свойственную ему форму и вид; у алхимиков – сурьма (антимоний), воплощение первичной субстанции.

Во всех его видах разнообразных,
Из глубины морской и, перегнав
В ретортах, возвратить в первичный образ.
И если там цветущие поля
Повсюду дышат чистым эликсиром
И реки жидким золотом текут,
То диво ли, что солнце, лучший химик,
Хотя оно от нас удалено,
Мешаяся во тьме с земною влагой,
Творит столь много дорогих вещей,
По цвету пышных и по силе редких?
Еще здесь больше Дьявол видеть мог,
Не ослепляясь солнцем: без препятствий
Водил он взор свободно вдаль и вширь,
И не было нигде здесь даже тени,
Но ярко было все освещено;
Так точно на экваторе отвесно
Лучи бросает солнце, и при этом
Не может падать тень от темных тел.
И воздух был здесь, как нигде, прозрачен
И делал зрение острым для предметов,
Хотя бы чрезвычайно отдаленных;
Поэтому увидел вскоре Враг
Блистательного Ангела – такого,
Какого зрел на солнце Иоанн⁸⁸.
Стоял он отвернувшись, но чрез это

⁸⁸ ...Блистательного Ангела – такого, какого зрел на солнце Иоанн. – Имеется в виду видение святого Иоанна Богослова: «И увидел я Ангела, восходящего от востока солнца...» (Откровение, 7: 2).

Нисколько блеск его был не слабей;
Из солнечных лучей златой тиарой
Глава его увенчана была,
А за плечами, сверху оперенья
Роскошных крыльев, кудри золотые
Лежали пышно. Он, казалось, был
Поставлен здесь для некой важной службы
Иль в размышленья погружен. И рад
Был Дух нечистый, что его увидел,
Надеясь от него узнать, где Рай,
Блаженное жилище человека,
Находится и тем достигнуть цели
Своих скитаний долгих, нам на горе.
Но прежде поспешил он изменить
Свой облик, без чего ему грозила б
Опасность иль отсрочка предпринять;
И вот молодого Херувима вид
Он принял – не из первых, но такого,
Что юность на лице его играла
Небесною улыбкою, а члены
Все были нежной грации полны, –
Так хорошо умел он притвориться.
Кудрей его волнистая краса
Под маленькой короной ниспадала,
Ланиты обрамляя; крылья были
Из пестрых перьев, в искрах золотых;
Как путник, ризу подобрав, степенно
Он шел, с жезлом серебряным в руках.
Недолго он остался незамечен;

Блестящий Ангел прежде, чем к нему
Он подошел, шаги его услышал
И обратил лучистое лицо,
И сразу Враг узнал в нем Уриила –
Архангела, из тех семи ближайших
К престолу Бога, что всегда готовы
Его веленья исполнять и служат
Его очами всюду в Небесах
И в мир земной поспешными послами
Над влагой и над сушей, на морях
И на земле. К нему Враг обратился:

«О Уриил, один из тех семи,
Что предстоят перед престолом Бога,
Сияющим в великой славе, – тот,
Кто прежде всех Его высокой воли
Носителем во всех кругах Небес
Является, чьей вести благодатной
Ждут повсеместно Божии сыны!
И так же здесь, по высшему велению,
Как подобает, с честью ты стоишь,
Чтоб созерцать великий круг творенья.
Невыразимо я хотел бы видеть
И изучить поближе все создания
Чудесные, а более всего
Желал бы я увидеть человека,
Главнейшую утеху и любовь
Создателя: ведь ради человека

Так дивно Он устроил этот мир.
Меня желанье это побудило,
Покинув Херувимов хор, пуститься
В путь одному. О светлый Серафим,
Скажи, в котором из миров блестящих
Свое жилище человек имеет?
Иль, может быть, из них он ни в одном
Все время не живет, а обитает
Попеременно в том или другом?
Его б хотел найти я, чтобы тайно
Иль явно подивиться на того,
Кого великий наш Творец мирами
Так одарил и на кого всю милость
Свою излил; в нем, как во всех созданных,
Всемирного Зиждителя хвалить
Прилично нам, изгнавшего недавно
Врагов своих мятежных в бездну Ада
И вместо них, чтоб возместить потерю,
Создавшего счастливый род людей,
Который бы Ему верней и лучше
Служил. Премудры все Его пути!»

Так говорил притворщик этот лживый –
И был не признан. Ведь не только люди,
И Ангелы порою лицемерья
Не видят – зла единственного, всем
Невидимого в мире, кроме Бога,
Которое, по Божью попущенью,
Блуждает между Небом и Землей.

Хоть Мудрость и не спит, но Подозренье
У врат ее нередко засыпает,
И Простота ему тогда на смену
Является; Зла Доброта не видит
Там, где не видно ничего дурного.
Так был теперь обманут Уриил,
Хоть был он князем солнца и считался
Из всех небесных Духов самым зорким.
И самозванцу хитрому в ответ
Он так сказал, открыто и правдиво:

«Прекрасный Ангел! То, что ты желаешь
Узнать дела Творца, чтоб восхвалять
Великого Зиждителя вселенной,
Нисколько не достойно порицанья;
Скорее ты достоин похвалы.
Одно лишь странно, что один решился
Покинуть ты жилище эмпиреев,
Чтоб собственным увидеть оком то,
О чем, пожалуй, было бы довольно
Узнать и в самом Небе по рассказам.
Но точно дивны все Его дела,
И узнавать их сладостно; достойны
Они того, чтоб вечно с наслажденьем
Мы вспоминали их. Но кто, чей ум
Обнимет их число и эту мудрость
Безмерную, которая их все
Произвела, сокрыв все их причины?
Я видел, как по слову Божества

Бесформенные массы, из которых
Сложился мир, в одно скопились тело;
Услышало Смущенье глас Его,
И дикий перед ним Мятеж склонился,
Границы Безграничность обрела;
Вторично Он воззвал, и Тьма бежала,
Явился Свет, возник порядок стройный
Из беспорядка; быстро смесь стихий
По областям своим распределилась –
Земля, вода, и воздух, и огонь;
А вещество небесного эфира
Ввысь поднялось сюда, одушеваясь
В разнообразных формах, и, вращаясь,
Они кругами понеслись и стали
Бесчисленными звездами: ты видишь,
Как много их, как движутся они;
И каждая свое имеет место,
И совершает каждая свой путь;
А прочее мир этот окружает.
Взгляни же вниз, на этот шар, который
К нам обратился светлой стороной,
Хотя свет этот – только отраженный;
Тот шар – Земля, жилище человека,
А этот свет – есть день ее: его
Сменяет ночь, когда он обернется
Другим к нам полушарием; тогда
Луна его на время озаряет:
Зовется так прекрасная звезда
Соседняя, – свершает каждый месяц

Она вокруг Земли среди небес
Свой путь, причем она то убывает,
То прибывает в трех различных формах,
И, бледный свет заимствуя от Солнца,
Ночную тень смягчает на Земле.
Вот это там пятно есть Рай, жилище
Адама; эта тень – его беседка.
Теперь ты знаешь путь и не собьешься
С него; меня же долг мой призывает».

Промолвив это, отвернулся он,
А Сатана, пред ним склонившись низко,
Как принято по отношению к высшим
На Небесах, где воздается всем
Достойный их почет и уважение,
Простился и, с эклиптики⁸⁹ спустись,
Поспешно путь направил, окрыленный
Надеждой на удачу, вниз, к Земле,
И, быстро крылья мощные вращая,
Сквозь воздух долго неся он, пока
Не опустился на горе Нифате⁹⁰.

⁸⁹ *Эклиптика* или зодиак – величайший из кругов видимой небесной сферы, по которому совершается кажущийся путь солнца от запада к востоку.

⁹⁰ *Нифат* – гора, принадлежащая к цепи Таврских гор в Армении.

Книга четвертая

Содержание

Сатана находится в виду Эдема, вблизи места, где он должен теперь испытать смелое предприятие, начатое им в одиночестве против Бога и человека. Его терзают различные сомнения и страсти – страх, зависть и отчаяние, – но в конце концов Сатана укрепляется во Зле и отправляется к Раю. Описывается внешний вид и расположение Рая. Сатана перепрыгивает ограду и садится, приняв облик кormорана, на Древо жизни, самое высокое, для обозрения сада. Описание райского сада. Сатана в первый раз видит Адама и Еву, удивляется их красоте и счастьем и решается осуществить их падение. Он подслушивает их разговор, узнает, что им запрещено под страхом смерти есть плоды Древа познания Добра и Зла, и на этом основывает план искушения, намереваясь склонить их к нарушению заповеди. Затем Сатана покидает их на время, чтобы разузнать об их положении иными путями. Между тем Уриил, спустившись на солнечном луче, предупреждает Гавриила, стоящего на страже у ворот Рая, что некий злой Дух вырвался из Ада и в полдень проходил через его сферу в образе доброго Ангела по направлению к Раю: он узнал это по его яростным движениям на горе. Гав-

риил обещает найти его ранее, чем наступит утро. Наступает ночь; Адам и Ева беседуют на пути к месту отдохновения; описывается их хижина; их вечернее славословие. Гавриил ведет своих подчиненных по ночной страже в обход вокруг Рая, поставив двух сильных Ангелов около хижины Адама, чтобы злой Дух не причинил какого-либо зла спящим Адаму и Еве. Они находят его у изголовья Евы, искушающего ее во сне, и приводят его, несмотря на сопротивление, к Гавриилу; Сатана гневно отвечает на вопросы последнего, готовится к борьбе, но, уstraшенный знаменiem на Небесах, убегает из Рая.

О, для чего теперь не прозвучал
Тот громкий голос предостереженья,
Который был с высот Небес услышан⁹¹
Тем, кто нам Апокалипсис открыл,
Когда дракон, вторично пораженный,
Пришел во гнев, чтобы отомстить
На человеке за свое крушение:
«О горе вам, живущим на земле!»
Когда б теперь раздался он, быть может,
Он вовремя еще предостерег бы
Блаженных наших праотцев, что к ним

⁹¹ ...громкий голос предостереженья, который был с высот Небес услышан... — «Горе живущим на земле и на море, потому что к вам сошел диавол в сильной ярости, зная, что не много ему остается времени» — этот зов слышал апостол Иоанн, имевший, согласно Писанию, пророческое видение на острове Патмос (Откровение, 12: 12).

Теперь подходит близко Враг их тайный,
И от его смертельной западни
Они тогда избавиться могли бы.
Как раз теперь спустился Сатана,
Воспламененный яростью великой,
Чтоб искусить и после обвинить
Род человека и на нем, невинном
И слабом, отомстить за все потери,
Которые понес он в первой битве,
За бегство в Ад позорное свое.
Он быстротой своей все недоволен,
Хоть смело и бесстрашно он свершил
Далекий путь; похвастаться удачей
Пока еще не может он, и вот
К своей попытке страшной приступает,
Которая, готовая родиться
На свет, ему волнуется бурно грудь
И, как оружие дьявольское, больно
Ему назад удар свой отдает.
Его терзают ужас и сомненье,
Внутри его бушует бездна Ада:
Он носит Ад в себе и вокруг себя
И, как бы место ни переменил он,
Уйти от Ада может так же мало,
Как убежать от самого себя.
Теперь в нем совесть снова пробуждает
Заснувшее отчаянье; проснулось
Вспоминанье горькое о том,
Чем был он, чем он стал и что в грядущем

Грозит ему: всегда ведь злое дело
К страданию только злейшему ведет.
То он направит на Эдем прекрасный
Печальный взор свой, то опять посмотрит
На Небеса и пламенное солнце;
И, прерывая вздохами слова,
Так начал он, перебирая думы:

«О ты, в венце своей великой славы,
Одно в своих владеньях, как Господь,
На этот мир взирающее новый,
Ты, пред которым все тускнеют звезды
И преклоняют голову свою, —
К тебе зываю, но не зовом друга,
Тебя зову по имени, о Солнце,
Чтоб рассказать, как ненавижу я
Твои лучи, которые мне скорбно
Напоминают, как я страшно пал,
Хоть прежде был твоей славнее сферы!
Ах, гордостью и честолюбьем злым
Я увлечен был на борьбу с великим,
Необоримым Властелином Неба;
И для чего? Ничем не заслужил
Он от меня подобного поступка, —
Он, Кем я сотворен в моем блестящем
Достоинстве, Который никого
Не попрекал своим благодеяньем!
Ему не трудно было и служить:
Какой был меньше труд, чем воздаянье

Хвалы Ему, какая плата меньше,
Чем благодарность должная Творцу?
Но все добро во мне лишь зло рождало
И лишь к коварным мыслям привело.
Быв столь возвышен, мысль о подчинении
Стал отвергать я: показалось мне,
Что шаг еще – и стану я всех выше
И сразу сброшу с плеч огромный долг
Безмерной благодарности – то бремя,
Которое, сколь ни платил бы я
Свой долг, – всегда на мне бы тяготело;
Забыл я все, что от Него имел;
Не понял я, что благодарность платит
Сама собой и что сознание долга
Есть в то же время и платеж за долг;
Какое ж для меня тут было бремя?
О, если б, по Его могучей воле,
Одним из низших Ангелов я был,
Счастливей был бы я и честолобье
Не знало бы несбыточных надежд!
Но почему же нет? Иная сила,
Великая, как я, тогда могла б
Их возыметь, и был бы я, хоть слабый,
Быть может, ею увлечен. Однако ж
Другие силы, крупные, как я,
Не пали, а спокойно устояли
Внутри себя и вне, вооружись
Противу всяких искушений. Что же?
Владел ли также ты свободной волей

И устоять ты мог ли, как они?
Ты мог! Итак, кого ж ты обвиняешь,
Как не Небес свободную любовь,
Которая равно всех наделила?
Да будет эта проклята любовь!
Мне все равно, любовь то или злоба:
Я ею к вечным мукам приведен!
Нет, будь ты проклят сам: ты, против воли
Его, избрал своею волей то,
О чем теперь жалеешь справедливо!
О я несчастный! Как мне избежать
Бед без конца, отчаянья без меры?
Куда б я ни бежал – со мною Ад;
Я сам свой Ад, и в глубочайшей бездне
Вновь бездна разверзается на дне,
Грозя пожрать меня. В сравнении с этим
Тот Ад, где я терплю страдания, – Небо.
О, уступи ж тогда! Ужель нет места
Раскаянью, ужель пощады нет?
Нет – если я не покорюсь; а в этом
Мешает гордость мне и страх стыда
Пред низшими, которым обещал я
Не то, увлек иною похвальбой:
Не покориться – покорить хвалился
Всесильного себе! О горе мне!
Они не знают, как жалею горько
Теперь о той я праздной похвальбе,
Каким внутри страданьем я терзаюсь,
Когда меня на троне Ада чтут!

Со скипетром в руках и в диадеме,
Возвысившись над ними, ниже всех
Я пал, – всех выше я лишь по несчастью!
Вот честолюбья грустная награда!
Но если бы раскаяться я мог,
И был помилован, и получил бы
Вновь положение прежнее свое, –
Увы, как скоро сан высокий снова
Меня б увлек к высоким помышленьям!
Как скоро от покорности притворной
Отрекся б я, сказав, что уступил
Насильно лишь, подавленный бедою!
Не может мира истинного быть
Там, где смертельной ненависти раны
В такую проникают глубину.
Да, это только повело б меня
К вторичному и худшему паденью,
И я двойною карой заплатил бы
За облегченье краткое свое.
Кто покарал меня, Тот это знает,
А потому настолько же далек
От мысли пожалеть меня, насколько
От просьб о мире я далек. Итак,
Навек исчезла всякая надежда!
Изгнав нас и отвергнув, вместо нас
Себе Он создал новую утеху –
Людей и ради них весь этот мир.
Прости ж, надежда; больше нет ни страха,
Ни угрызений совести: все благо

Утрачено навеки для меня;
Отныне Зло моим пусть будет благом;
Через него, по крайней мере, власть
Я разделю с Царем великим Неба,
И, может статься, больше половины
Я захвачу; о том узнает вскоре
И человек, и этот новый мир!»

Пока он это говорил, жестоко
Лицо его страстями искажалось:
Покрылся трижды побледневший лик
Отчаяньем, и завистью, и гневом,
И страшно изменилися черты
Его притворной маски. Он бы выдал
Себя чрез это, если б кто-нибудь
Его увидел, ибо Духи Неба
Всегда спокойны и впадать не могут
В такое раздраженье. Скоро он
Заметил это сам и постарался
Смягчить свой вид спокойствием притворным;
Искуснейший из всех лжецов, он первый
Соединил со внешностью святой
Глубокое коварство, злое мщенье;
Но не настолько был искусен он,
Чтоб Уриила обмануть, который
На страже был и проследил за ним,
Как он летел к вершине ассирийской
И как он там свой образ изменил
Несвойственно блаженным Духам, — видел

Его движенья резкие, заметил,
Как он себя безумно вел, считая,
Что он один, что не следят за ним.
Вот Сатана приблизился к Эдему.
Пред ним вверху стоял прелестный Рай,
Зеленою оградой венчая,
Как изгородью сельскою, вершину
Горы высокой и крутой, чей склон
Щетинистый покрыт был дикой чашей,
Густой и прихотливой, заграждавшей
Пути наверх; над нею возвышались
Громадные роскошные стволы –
Раскидистые пальмы, кедры, ели, –
Богатый лес; и так как ряд над рядом
Бросали тень, пред взором возникал
Роскошный вид лесистого театра.
Но выше всех их возносилась Рая
Зеленая стена; с нее смотрел
Наш общий прародитель на владенья
Соседние свои. За ней ряды
Чудеснейших деревьев возвышались,
Обремененных дивными плодами:
Цветок и плод в одно и то же время,
Они как будто златом и эмалью
Блистают; солнце, кажется, на них
Своих лучей бросало позолоту
Еще охотней, чем на облака
Вечерние иль на дугу из влаги,
Которую нам посылает Бог,

Когда дождями землю напоят.
Прекрасен был ландшафт, а чистый воздух
Врагу навстречу сладостно дышал
Весеннею отрадою и счастьем
И был способен все прогнать печали –
Отчаянья не мог лишь излечить.
А нежные Зефиры, расправляя
Свои крыла душистые, вокруг
Распространяли всюду ароматы,
Шепча, откуда взяли свой бальзам.
Так иногда тем путникам навстречу,
Которые плывут, пройдя мыс Доброй
Надежды, миновав уж Мозамбик, –
Со встречным ветром северо-восточным
Сабейские⁹² несутся ароматы
Чудесные от пряных берегов
Аравии счастливой; и, довольны
Задержкою, они свой долгий путь
Охотно замедляют, и, ласкаем
Тем запахом приятным, много миль
Их Океан улыбкой провожает.
Так сладкий запах нежит и Врага,
Принесшего сюда свою отраву;
Приятней был ему тот аромат,

⁹² *Саба* – главный город счастливой Аравии, жители которой назывались сабейцами. По Диодору, благоухание трав было так сильно в этой стране, что жители старались ослабить этот запах, окуривая себя асфальтом (горной смолой).

Чем Асмодею⁹³ рыбный дым, который
Прогнал его, влюбленного, от ложа
Товитовой невестки, отомстив
Коварному; из Мидии в Египет
Он убежал и там прикован был.

Ко всходу на высокий этот холм
Враг подошел, в раздумьи замедляя
Свой шаг; но дальше не было пути:
Растенья там переплелись так густо,
Что стали как бы цельною стеной,
И поросль и кусты вокруг повсюду
Стеснились так, что через их преграду
Не мог пройти ни человек, ни зверь.
Одна лишь дверь на стороне восточной
Была; ее Архизлодей заметил,
Но пренебрег законным он путем;
Презрительно одним прыжком высоким
Чрез все холма высокого преграды
И через стену перенесся он
И стал в Раю. Так точно волк бродящий,
Когда он ищет, голодом гоним,
Себе иного места для добычи,

⁹³ *Асмодей* – имя демона-погубителя в Библии. Он убивал всех женихов *Товитовой невестки* Сарры, дочери Рамуила из *Мидии*. Сын Товита, Товий, пришел в Мидию в сопровождении Ангела Рафаила; в день свадьбы своей с Саррой он взял по совету Ангела «курительницу, положил сердце и печень рыбы, и курил. Демон, ощутив этот запах, убежал в верхние страны Египта, и связал его Ангел» (Книга Товита, 8: 3).

Следит, где пастухи свои стада
Сгоняют в огороженное место
К приходу ночи, и одним прыжком
Через плетень спешит туда забраться;
Так точно вор, желая обокрасть
Дом богача, чьи двери толсты, прочны,
Чьи крепкие засовы и замки
Прямого нападения не боятся,
Ползет к нему в окно иль через крышу.
Так вор великий ныне в первый раз
Проник коварно в Божье стадо; так же
Наемники в Его прокрались Церковь.
Затем взлетел он и на Древе жизни,
Которое средь Рая выше всех
Вершиной возвышалось, уселся,
Принявши образ корморана⁹⁴; жизни
Он истинной чрез то не приобрел,
Но замышлял лишь смерть живущим в мире;
Не думал он о силе животворной
Чудесного растения: он выбрал
Его лишь с целью лучше видеть вдаль;
А между тем, при пользованьи должном,
Залог бессмертья был бы в древе том.
Так и никто на свете, кроме Бога,
Добра не может правильно ценить,
Даруемого Небом: обращают
Нередко люди лучший дар во Зло

⁹⁴ *Корморан*, или баклан – черная водяная птица, по внешности отчасти напоминающая ворона.

Иль применяют к наименьшей пользе.
Дивясь, внизу он видит пред собой,
Как в небольшом пространстве совместилось
Для услажденья человека все,
Что лучшего произвела природа,
И даже больше: Небо на земле!
Блаженный Рай был Божий сад, который
Был насажден с восточной стороны
Эдема; а Эдем распространялся
На запад от Харрана⁹⁵ вплоть до башен
Прославленных Селевкии⁹⁶ великой –
Создания древних греческих царей, –
Иль той страны, где много раньше жили
Сыны Эдема в Телассаре. Здесь,
В стране прекрасной этой, Бог устроил
Прекраснейший Свой сад; Он повелел
Произрастать на почве плодоносной
Деревьям благороднейшим, приятным
Для зренья, обоняния и вкуса;
И между ними было Древо жизни
Всех выше; плод его подобен был
Амброзии – растительное злато;
А рядом с ним росло познания Древо, –
Смерть наша, – заплатили мы за знанье
Добра ценой жестокой – знаньем Зла.
На юге же Эдема протекала

⁹⁵ *Харран* – город в Месопотамии на реке Евфрат.

⁹⁶ *Селевкия* – название нескольких городов, основанных Селевком I и его преемниками в Месопотамии, Сирии, Киликии и других странах Западной Азии.

Широкая река – не вкруг горы,
А прямо шла она сквозь холм высокий:
Когда Бог строил сад Свой, Он поставил
Ту гору над ее потоком быстрым,
А он чрез жилы пористой земли
Пробился, ею впитанный охотно,
И вышел вновь наружу, свежий, чистый,
И многими ручьями оросил
Цветущий сад; потом, соединившись,
По скату вниз спустился он и встретил
Там реку, показавшуюся снова
Из темного подземного прохода;
Река же, разделившись на четыре
Потока главных, дальше потекла
Чрез страны знаменитые и царства,
О коих здесь не будем говорить.
Но надо рассказать, насколько хватит
Искусства, о сапфировых струях,
Катившихся по жемчугам восточным
И золотым пескам, блуждая всюду
В тени деревьев, и нектар разнося,
И посещая каждое растение,
Питая несравненные цветы,
Достойные роскошной сени Рая.
Их не искусство медленной рукой
Узорами по клумбам насадило, –
Сама природа в щедрости своей
Рассыпала по всем холмам и долам,
И там, где солнце утреннее греет

Открытые поля, и там, где в полдень
Под кущами царит густая тень.
Разнообразьем сельского ландшафта
Пленял счастливый этот уголок:
Здесь рощи, чьи душистые деревья
Смолой дышали ароматной, там –
Другие, где висели золотистых
Плодов ряды, пленяя взор и вкус.
И если где, то только здесь был правдой
Миф о садах чудесных Гесперид.
Меж рощами луга или поляны,
Где мягкую траву стада щипали,
Иль пальмами поросшие холмы;
Местами были влажные долины
Усеяны цветами всяких красок
И розами, лишенными шипов.
С другой же стороны там были гроты
Тенистые, прохладные пещеры,
И пышно вился виноград по ним,
Пурпурные развешивая кисти;
С холмов же ниспадали водопады,
В пыль влажную дробясь иль ссоединяя
Свои потоки в тихие озера,
Которые, как зеркало, в себе
Цветущий берег, миртами поросший,
Спокойно отражали. Хоры птиц
Звучали вокруг, а ветерок весенний
В полях и рощах веял ароматом
И колебал дрожащие листья;

И Грации⁹⁷ и Оры⁹⁸, предводимы
Великим Паном⁹⁹, в хороводе светлом
Кружились в вечном празднике весны.
Не так прекрасно было поле Энны¹⁰⁰,
Где Прозерпина некогда цветы
Сбирала и, сама их всех прекрасней,
Похищена была Плутоном мрачным,
Что причинило множество забот
Церере, по всему искавшей миру
Своей любимой дочери; не так
Была приветна близ Оронта¹⁰¹ роща
Прекрасной Дафны¹⁰², и не мог красой
С Эдемским Раем спорить вдохновенный
Кастальский ключ¹⁰³, ни остров тот Нисейский,
Рекой Тритоном окруженный¹⁰⁴, – остров,

⁹⁷ *Грации* – в греческой мифологии богини красоты и веселья.

⁹⁸ *Оры* – богини порядка в природе, заведовавшие сменой времен года и погодой.

⁹⁹ *Пан* – греческое божество, владыка леса и лесной фауны.

¹⁰⁰ *Энна* – город на Сицилии, где стоял главный храм богини Деметры (Цереры), дочь которой, Прозерпину, похитил здесь Плутон – бог подземного мира.

¹⁰¹ *Оронт* – река в Сирии.

¹⁰² *Дафна* – нимфа, которая, убегая от влюбленного в нее Аполлона, превратилась в лавровое дерево.

¹⁰³ *Кастальский ключ* – источник на горе Парнас, обитель муз.

¹⁰⁴ ...ни остров тот Нисейский, рекой Тритоном окруженный... – Ниса – место рождения бога Диониса (Вакха); город, находившийся в Верхнем Египте (по другим преданиям, в Беотии, Индии и др.). Реку *Тритон* древние помещали на крайнем западе, позднее – в Ливии.

Где древний Хам, которого зовут
Язычники Аммоном¹⁰⁵, а Ливийцы
Юпитером, укрыл Амальфу¹⁰⁶ с сыном,
Румяным Вакхом¹⁰⁷, от очей опасных
Великой Реи¹⁰⁸, мачехи суровой, –
Ни край, где Абиссинские цари
Хранят свое потомство под горою
Амарой, хоть иные полагают,
Что настоящий Рай как раз был там,
В пределах эфиопских, у верховьев
Далеких Нила, под горой блестящей,
До чьей вершины – целый день пути.
На деле край тот отстоит далёко
От сада ассирийского, где Враг
Безрадостно смотрел вокруг на радость,
На множество живых созданий разных,
Столь новых и столь странных для него.
Меж ними были два – всех благородней,
Всех выше и стройней; богоподобно
Они держались, выпрямив свой стан,
С достоинством природным; не прикрыты
Ничем, они в нагом своем величьи
Достойными владыками казались

¹⁰⁵ *Хаммон* или *Аммон* – египетский бог, впоследствии отождествленный греками с *Зевсом* (*Юпитером*).

¹⁰⁶ *Амальфа* – нимфа, приютившая *Вакха* в пещере близ *Нисы* и вскормившая его, как приемная мать, укрывая от преследований *Геры* (*Юноны*).

¹⁰⁷ *Вакх* (*Дионис*) – бог вина и веселья, сын *Зевса* и *Семелы*.

¹⁰⁸ *Рея* – мать олимпийских богов, дочь *Урана* (*Неба*) и *Геи* (*Земли*).

Всего, что окружало их в Раю.
В божественных их взорах отражался
Священный образ славного Творца, —
Премудрость, правда, чистота и святость, —
И строгость в этой святости была,
Хоть вольностью в них детскою смягчалась;
Та строгость служит истинной основой
С тех пор для всякой власти у людей.
Не равными они, однако, оба
Являлись, как не равен был их пол.
Для созерцанья и для силы гордой,
Казалось, он создан был, — она —
Для нежности и ласки грациозной;
Он сотворен, казалось, был для Бога
Единственно, она — для Бога в нем;
Его широкий лоб прекрасный, очи,
Глядевшие отважно, говорили
О воле непреклонной, а две темные
Волны кудрей направо и налево
Вниз ниспадали до широких плеч.
У ней до стройных чресл, как покрывало,
Без украшений, пряди золотые,
Распущены, спускались, извиваясь
В колечках прихотливых; виноград
Таковыми нежно усиками вьется.
Весь вид ее покорность выражал,
Но лишь такую, требовать которой
Власть кроткая лишь может; уступает
Она охотно, он же ту уступку

Встречает лаской; мужу отдается
С застенчивой покорностью она
И скромностью достойною, противясь
Лишь сладкою влюбленною борьбой.
В их наготе ничто не прикрывало
И тех частей таинственных, которых
С тех пор не обнажает человек;
Греховного стыда они не знали —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.